

Алиса Гордеева

Копия

«Литнет»

Гордеева А.

Копия / А. Гордеева — «Литнет»,

Энни — воплощение свободы и неумной энергии. Ее мир прекрасен, а мысли — чисты и наивны. Она верит в сказки, что оживают зимними ночами под переливами северного сияния, и умеет жить здесь и сейчас. Он — расчетливый тиран, готовый идти по головам, чтобы добиться своей цели. Его мир давно разрушен и полон боли и страданий. Выжженная земля под ногами не оставляет места для любви и надежды. Два мира. Две стихии. И только одна короткая встреча, способная изменить всё. Ничего не будет, как прежде! Но сможет ли он отпустить ее, зная, что она всего лишь копия?

© Гордеева А.

© Литнет

Содержание

Пролог	5
1. Обрыв	8
2. Гость	14
3. Просьба	24
4. Голос	38
5. Завтра	45
6. Это он	53
7. Копия	65
8. Вулкан	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Копия

Автор: Алиса Гордеева

Пролог

За 20 лет до настоящих событий, описанных в книге.

Дезирия, пустыня Бларох.¹

– Веришь ли ты в судьбу, Саид?

Старая ведьма в обветшалом отрепье, помешивая костлявой рукой свое вонючее варево, с жутким, пробирающим до костей прищуром смотрела на молодого мужчину. Она прекрасно знала, что пришел к ней Саид не просто так, а еще, что не поверит ни одному ее слову. Все равно сделает по-своему и тем самым обрушит на страну четверть века бед и несчастий.

– Ты же знаешь, зачем я пришел, Зухария. Говори прямо: поможешь или нет? – пропустив вопрос старухи, грозно спросил тот.

– Саид, отступись от поисков! Пока не поздно! Ничего кроме смерти не найдешь!

В третий раз за последние полгода приходил младший сын правителя к провидице и каждый раз возвращался ни с чем. Угрожать или запугивать ведьму было делом бесполезным и даже опасным. И пусть Саид не верил в проклятья, заговоры и прочую колдовскую чушь, но больше обратиться ему было не к кому.

За это время он потерял всякую надежду еще хотя бы раз увидеть свою жену.

– Гордая птица умрет в неволе, но петь не будет, Саид. Отпусти ее, – ведьма на мгновение отвлеклась от своего зелья и приложила отошалающую морщинистую ладонь к сердцу. – Отсюда отпусти.

Если бы он только мог...

– Я верю в судьбу, Зухария, – уверенно ответил Саид, даже не дрогнув от пронизывающего взгляда старухи. – Джоанна и есть моя судьба.

– О, шайтан, она— твоя погибель! Не найдешь ты ее живой, но принесешь на наши земли слишком много горя.

Вот только молодой и горячий сын эмира остался равнодушным к словам старухи. Непомерно сильна была его любовь к Джоанне – юной рыжеволосой красавице с глазами пантеры. Три долгих года он удерживал молодую европейку возле себя, не позволяя вернуться домой. Три года он прятал Джоанну ото всех и воевал с собственным отцом за право взять ее – девушку чужой культуры и с нечистой кровью— в законные жены. Три года Саид уговорами и угрозами, лаской и насилием добивался любви строптивой журналистки, на свою беду посетившей Дезирию. Он отказался от всего: от права престола, от уважения своего народа, от истинных ценностей и вековых устоев. Однако Джоанна так никогда и не смогла ответить ему взаимностью. Плененная, но непокоренная она умудрилась исчезнуть из жизни Саида, унося под сердцем его дитя.

– Где мне ее искать? – взревел Саид. И казалось от силы его голоса содрогнулись гнилые стены жилища старухи.

– Где бы ты не искал – не найдешь! Не суждено тебе, Саид, увидеть ее живой, не суждено! А дом свой покинешь – все потеряешь! Не совершай ошибок, мальчик мой!

– Пусть неживой, Зухария, но я не отступлюсь. Не от нее, не от своего сына!

– Нет у тебя сына, Саид,– зашипела старуха, – не было и не будет никогда! Не изменишь ты своей судьбы.

Зухария долго еще причитала и что-то нашептывала, только Саид уже ничего не слышал: живая или мертвая, с ребенком или без него – неважно. Он знал, что не обретет покоя пока не найдет ее. И старая ведьма это знала. Слишком многое она видела наперед.

– Стоит она на высокой скале, Саид, – закрыв и без того узкие и почти слепые глаза, прошептала старуха.– Ее тело ласкают одичалые ледяные ветра, а в лицо бьет холодный дождь. Она там, где на целый фарсах² вокруг нет ни души. Ты не сможешь удержать ее Саид. Между твоим пленом и губительным шагом в пропасть она выберет второе. Не разрушай того, что не строил. Забудь ее!

—

¹– Дезирия – островное государство в Юго-Западной Азии в Индийском океане в непосредственной близости с Аравийским полуостровом. Является результатом воображения автора во избежание совпадений с реальными событиями, местами и людьми.

²– Персидская мера длины, равная расстоянию, которое конь проходит за один час. По разным источникам от 3 до 7 км.

1. Обрыв

Юго-Западное побережье Исландии.

Наши дни.

На краю серого скалистого обрыва, открывающего неземной вид на безбрежную синь океана, стояла девчонка. Широко раскинув руки, она смотрела на громадные волны, разбивающиеся на миллиарды мелких брызг где-то там, под ногами. Могучий и неуправляемый ветер разбрасывал пряди ее рыжих непослушных волос в разные стороны. А потом, будто бы играючи, подталкивал свою жертву все ближе и ближе, к самой бездне. Но Энн не боялась. Совсем юная и отважная она еще не знала, что такое страх. Зато представляла себя птицей, которая вот-вот взлетит и с высоты окинет привычным взглядом эти дикие земли, усыпанные гейзерами и водопадами, вулканами и ущельями, фьордами и ледниками. Это был ее мир, ее жизнь и ее свобода!

– Энн, папа будет ругаться, – послышался позади голос брата. – Отойди!

Петер и сам понимал, что его голос, такой еще не по-мужски тонкий и недостаточно сильный, терялся в шумной песне ветра, но не позвать Энн он просто не мог. Это ему, Хинрику или Оскару подобное поведение отец спустил бы с рук, но только не Энн.

– Так не говори ему, Петер! – не оборачиваясь в сторону брата, пропела девчонка и засмеялась.

Начало лета. Ее любимое время года, когда вечная ночь с пусть и красивым, но таким холодным северным сиянием теряла свою власть и уступала место едва теплему солнцу.

– Я и не сдам, но Хинрик все еще зол на тебя.

Петер подошел ближе к сестре, к самому краю пропасти, и замер.

– Вернулись! Вернулись! – радостно прокричал он, совершенно забыв зачем пришел, а затем взял Энн за руку. Так спокойнее. Ему. В свои двенадцать Петер еще не мог похвастаться бесстрашием или безрассудностью в отличие от старшей сестры или брата. – Вот это да! Мне кажется или нынче их стало больше?

– Похоже на то! – не отрываясь от удивительного зрелища, Энн сильнее сжала ладонь Петера, тем самым обещая, что обязательно защитит.

Еще долго на краю утеса виднелись две хрупкие фигуры, крепко державшие друг друга за руки. Их взоры были устремлены в сторону океана, где то и дело из воды выныривали горбатые киты, выпуская воздушные потоки холодной воды вверх. Казалось, они были счастливы вновь вернуться домой!

– Энн, – вдоволь налюбовавшись животными, Петер все же вернулся к разговору. – Хинрик тебя повсюду ищет. Если он узнает, что ты... что мы подходили к обрыву, обязательно расскажет отцу. Нам лучше вернуться пока не поздно.

– А давай наперегонки, Петер? – девушка прекрасно понимала, чем может обернуться для нее гнев Ларуса Хаканссона, ее отца, а потому решила заранее запастись положительными эмоциями.

– До заброшенной часовни, идет? – не мог не поддаться на вызов Петер. Такой был у него возраст. Да и характер не уступал.

– На счет три. Раз, два... Петер, так нечестно! – весело прокричала Энн мальчишке, стартовавшему раньше времени. – Вот сейчас догоню! Ну, держись!

Дикий и нетронутый уголок земли. С погодой, меняющей свое настроение ежеминутно: от ясной и радостной до хмурой и отвратительной, с буйными ветрами и вечно морозящим дождем. Здесь мало кто мог выжить: вдали от цивилизации, развлечений и других людей. Но много кто мечтал побывать, чтобы увидеть величие местной природы своими глазами. Об этих местах слагали легенды и часть из них оживала, стоило только поверить... Местные жители не сомневались в существовании троллей, водяных и эльфов. И даже могли отказаться от строительства новой дороги, если та, по их мнению, нарушала покой сказочных существ. Жизнь здесь текла размеренно и ровно, что учило людей радоваться мелочам, даже таким, как простой бег.

– Энн, смотри, Хинрик идет. Ну все! Мы попали! – Петер резко затормозил, не добежав до часовни всего четверть мили.

Но даже угрюмый вид брата не заставил Энн остановиться. Пролетев мимо Петера, смеясь, она побежала дальше и, лишь достигнув конечной цели, утомилась.

– Вы ходили на мыс? – Хинрик поочередно бросал недобрые взгляды на беглецов. И, если Петер, потупив взор, робко ожидал своей участи, то Энн решила пойти в наступление.

– Давай, беги жаловаться, злостный тролль!

– Энн, – предостерегающе рявкнул парень. – Ты же знаешь, что отец запретил туда ходить! Вроде немаленькая, должна понимать, что там опасно!

– Хинрик, ты зануда! – подбежав к брату, девчонка ласково обняла его за плечи. – Но я тебя все равно люблю! Киты вернулись! Мы просто посмотрели.

– Если отец узнает...

– Хинрик, так не говори, если не спросит! – Энн клюнула парня в щеку. – Ну же, не сердись на меня! Вот увидишь, когда перееду в город, тебе еще будет меня не хватать.

– Когда ты уже съедешь наконец! Даже представить себе не можешь, как я от тебя устал, – и Хинрик не шутил. Не умел. Не хотел. Он был занудой и моралистом. Энн называла его " юным старичком", но все равно любила и всегда заботилась.

Энн, Хинрик, Петер и Оскар жили вместе с отцом и матерью в маленькой деревушке, на юго-западном побережье Исландии. Девятнадцатилетняя Энн была самой старшей из детей Ларуса Хаканссона и Арны Бьердоттир. Хинрик же всего на год ее младше, но именно этот факт выводил парня из себя больше всего. Ему хотелось быть главным, а не подчиняться рыжей девчонке. Кстати, Энн была единственной в семье рыжеволосой с лицом, усыпанным веснушками, как ночное небо звездами. Одно время Хинрик часто подшучивал над сестрой, что та неродная. Подкидыш. Приемная. Что взяли ее Ларус и Арна лишь из жалости. А Энн переживала и бывало плакала в подушку, пока никто не видел. Но после того как подобные слухи дошли до Ларуса, разговоры прекратились раз и навсегда.

– Отец все же решил выставить Странника на продажу, – задумчиво и немного печально заявил Хинрик, когда ребята возвращались к деревне от заброшенной часовни.

– Туда ему и дорога, – поддержал разговор Петер, – это не конь, а наказание.

– Петер! – вмешалась Энн. – Это просто ты трусишка. У Странника в глазах целая вселенная. Он умный и с характером, потому с ним и непросто.

Петер надулся, негодуя, что в очередной раз его прозвали трусом и, подняв воротник толстовки, отвернулся.

– Я никогда не встречал существа более преданного, чем Странник. Отец несправедлив!– заступился и Хинрик за любимого скакуна.

– Мне тоже его будет не хватать,– Энн подошла чуть ближе к брату и бережно взяла за руку,– ты же знаешь.

И Хинрик действительно знал. Никто кроме него и Энн больше не любил Странника такой чистой и безграничной любовью.

– Выставка через неделю. Энн, как переубедить отца?

– Мы что-нибудь придумаем!

Говорят, что общее горе сближает. Наверно, именно это уберегло Энн и Петера от гнева отца. Хинрик, ощутив на себе поддержку сестры, не стал жаловаться Ларусу, хотя сегодня ребята и нарушили главное правило их семьи: не подходить к обрыву ближе, чем на полмили.

Вечерело. Арна суежилась на кухне, Ларус вместе с Петером пытались научить Оскара читать, а Энн сидела у окна и всматривалась вдаль, в сторону конюшен, где Хинрик слонялся возле пустого загона и злостно пинал воздух под ногами.

– Пап, – позвала Энн, – Хинрик сказал, что Странник с нами последнюю неделю. Это так?

—Да, Энни, я решил продать его,– весьма равнодушно ответил отец, не отрываясь от планшета с прыгающими буквами.

– Но это же Странник, пап. Как мы без него?

– Всего лишь строптивый и упрямый конь. Исландских скакунов ценят за покорность и преданность, а этот? Я устал, Энн, с ним бороться. Он слишком своевольный!

Таких не любят. Такие никому не нужны. Такой была и сама Энн. Наверно, поэтому отец всегда относился к ней более сдержанно и местами холодно, нежели к покорным и смиренным сыновьям.

– И кто же его купит? Мне кажется, молва о его несносном характере шагает на мили вперед его самого. Разве нет?

– Энн, это пока только выставка. Но знаешь, Кристоф обещал покупателей с материка.

– Папа, – раздался тонкий голос пятилетнего Оскара, – а правда, что киты вернулись?

Петер и Энн тут же напряглись: кто-то проболтался!

– Кто тебе сказал такое, малыш? – деланно спокойно и ласково спросил Ларус, но внутри у него зарождался ураган, готовый снести любого на своем пути.

– Никто, я просто слышал, как Петер болтал по телефону.

Глаза Ларуса моментально потемнели, предупреждая о неминуемой буре, но пока он держался. Пока...

– Петер?– строго спросил отец, переводя свое внимание на сына.

– Да мы просто с Марией из класса болтали. Наверно, Оскар не так все понял, – сжавшись от страха, неуверенным голосом попытался объяснить Петер, но врать он совершенно не умел. И отец это знал.

– Он ни при чем, отец!– как можно быстрее вступилась Энн. Меньше всего ей хотелось, чтобы отец срывал злость на беззащитном мальчишке. – Это я Петеру рассказала про китов. Я ходила на мыс, хотела с ним попрощаться, и увидела их.

Ларус не просто закипал, он был похож на самый горячий гейзер. Медленно встал, совершенно позабыв про планшет, который с глухим ударом упал на пол, и навис над дочерью.

– Ты знаешь правила, Энн?

– Да, – уверено ответила девчонка. Уже ни раз и ни два она нарушала прописные истины этого дома и последствия, как и поведение Ларуса, ее не удивляли.

– Молись, Энн! Чтобы Бог простил твое непослушание и ослабил наказание.

Но Энн продолжала смотреть в окно. Молись- не молись, а отец в любом случае возьмет в руки ремень и оставит на коже алые следы.

– Ларус, милый, давай отложим твой праведный гнев на вечер – пора к столу!– так вовремя подоспела Арна.

Еще одним непреклонным правилом этого дома были семейные ужины, пропускать которые без уважительной причины каралось очередным наказанием.

Ларус громко выдохнул, но спорить с женой не стал.

Уже позже за столом все склонились в благодарственной молитве. Но только Энн, задумавшись о своем, снова смотрела в окно.

– Дрянная девчонка!– взревел и без того разъяренный мужчина. Он еще не успел найти выход первой волне своего гнева, как Энн снова провоцировала его.

– Мало того, что не чтишь традиций нашего дома,– Ларус вскочил из-за стола, и, опершись мощными и мозолистыми ладонями о самый его край, наклонился к дочери.– Так еще и атеистка! Вся в мать!

Последняя фраза вырвалась из его уст случайно и необдуманно. Но именно в этот момент все сидящие за столом, пожалуй, кроме Оскара, напряглись. Арна не была атеисткой. Скорее набожной лютеранкой, о чем знал каждый житель их маленькой деревушки.

Ларус и сам понял, что взболтнул не то. Вот только сказанного не вернуть. Он сел обратно на свое место и, обхватив руками голову, вспомнил слова покойной сестры, которые та так любила повторять:

"Три вещи нельзя скрыть: солнце, луну и истину."

2. Гость

– Вот это город! Даже не верится, Энн, что совсем скоро мы будем жить здесь, а не в нашем захолустье!

Яркие красочные домики, манящие витрины магазинов и местных кафешек, толпы людей, да даже количество автомобилей были в диковинку для двух девчонок, приехавших в столицу из деревни. Конечно, они бывали здесь и раньше, и даже не по одному разу. Но одно дело приехать в гости на пару дней или по делам, и совсем другое – самостоятельно жить в большом городе.

Хилдер и Энн, знакомые, казалось, с пеленок, были примерно одного возраста и даже внешне чем-то похожи, пожалуй, за исключением рыжего цвета волос. В этом году они закончили старшую школу и поступили в столичный университет.

– А мне будет не хватать дома. И братьев. И мамы. И лошадей, – перечисляла Энн, держа Хилдер за руку.

Девчонки неспешно бродили вдоль улицы Лаугавегур¹, наслаждаясь атмосферой яркого города, в предвкушении скорой свободы и независимости. В столицу они приехали ранним утром, чтобы оформить необходимые документы в университете, и уже успели присмотреть квартиру, которую планировали снимать вместе в ближайшие три года. Светлая, просторная, а главное – совсем рядом с их будущим местом учебы, правда с немного более дорогой арендой, чем рассчитывали и могли себе позволить.

– Еще скажи, что и по Ларусу тоже будешь скучать!? – возмутилась Хилдер. Девушка прекрасно знала, как отец Энн любил наказывать своих детей за любую оплошность и, конечно, не разделяла его убеждений. Мало того, еще в школьные годы, замечая на Энн очередные следы от побоев, всячески старалась донести сей факт до учителей, а порой и до директора, что нередко становилось причиной ссор между подругами.

– Не знаю, – не на шутку задумалась Энн.

– Эта твоя дурацкая привычка – искать хорошее даже там, где его нет – однажды, сыграет с тобой злую шутку, – заворчала в ответ подруга.

– Представляешь, он вчера меня не наказал, – вспомнила минувший вечер Энн и, ухватившись крепче за руку Хилдер, решила поделиться своими мыслями. – Хотя, знаешь, было

за что. Я вчера полдня провела на утесе, наблюдая за китами, а потом еще и про вечернюю молитву забыла. Но отец такое ляпнул, что до сих пор бегают и утешают маму.

На лице Энн проскочила мимолетная улыбка: Ларус своей несдержанностью наказал себя сам. И, если бы не эти его слова, навряд ли сегодня девчонки вот так запросто гуляли бы по центру Рейкьявика.

Однако, должного любопытства последняя фраза Энн у подруги не вызвала. Наоборот, она пролетела мимо ушей.

– Ты с ума сошла! – вспыхнула Хилдер. – Я когда-нибудь тебя сама поколочу! Зачем ты вечно сбегашь на этот мыс? Жуткое место!

– Никакое оно не жуткое! Ты не понимаешь...

– Не понимаю? – перебила подруга. – Ну как же! Прекрасное место! Самое то, чтобы умереть там, как та сумасшедшая!

Мыс Скортирвона, или иначе "лишенный надежды", как прозвали его местные жители много лет назад, был еще одной причиной их разногласий. Хилдер отчаянно не понимала, как можно было любить то опасное, безлюдное и дикое место, и, что Энн находила в нем, раз за разом, несмотря на жестокие наказания Ларуса, сбегая туда.

– Она не была сумасшедшей, Хилдер! Отец всегда утверждал, что Джоанна была просто отчаявшейся.

– Когда человек бросается вниз, чтобы разбиться вдребезги из-за глупой любви, – безапелляционно заявила подруга, – он сумасшедший. О чем тут спорить? А Ларус защищает ее по одной простой причине, и ты, между прочим, прекрасно знаешь по какой!

В их небольшой деревушке об этом знал каждый. Джоанна была родной сестрой Ларуса и, конечно, тот никогда бы не признал в ней психически нездорового человека.

– Мама говорила, что там все сложно было и о любви речи не шло, – попыталась заступиться за родную тетку Энн.

– Всё, не начинай! Опять поругаемся, а мне не хочется портить такой день! – остановившись на мгновение, Хилдер заглянула в песочного цвета глаза подруги. Она волновалась за

нее. Глупую и безрассудную. Боялась, что однажды Энн может сорваться и повторить судьбу той несчастной.— Но я все равно рада, что больше у тебя не получится туда сбегать.

Неумолимо приближалось время обеда, и девчонки, изрядно проголодавшись, заскочили в первое попавшееся кафе.

— Хил, я переживаю, что отец не даст ни кроны больше оговоренной суммы, — ожидая свой заказ, призналась Энн. — Тогда нам придется отказаться от квартиры, понимаешь?

— Мой тоже вряд ли обрадуется, — согласилась девчонка напротив, — но никто не мешает нам найти работу. Можем в кафе пойти или, например, в супермаркет продавцами.

— Ага, по ночам будем товары выкладывать, а по утрам, словно зомби, на учебу ходить,— выпучив глаза и высунув набок язык, рассмеялась Энн.

— Скоро же выставка, — опомнилась Хилдер. Ее отец, Кристоф Йоханссон, как раз занимался организацией данного события. — Я попрошу папу взять нас туда. Будем присматривать за лошадьми и сможем неплохо заработать. На первое время хватит, а там видно будет.

— Неплохая идея, Хил, — обрадовалась Энн, но тут же сникла. — Отец Странника хочет продать, знаешь?

— Слышала, — печально вздохнула Хилдер. И хотя она не разделяла любви Энн к этому строптивому и необузданному жеребцу, о привязанности подруги к нему знала не понаслышке, а потому грустила вместе с ней.

— Энни! — обратилась она к поникшей девчонке в надежде вернуть былой беззаботный настрой их беседе, — твоего монстра все равно никто не купит, поверь. И, кстати, у меня возникла идея!

Дождавшись, когда Энн поднимет на нее свои огромные светло-карие глаза, Хилдер продолжила:

— Все знают, что Странник не подпускает к себе чужих, да и из своих, пожалуй, только вас с Хинриком признает. Так что уговорить отца взять тебя на выставку проблем не составит. Будешь за ним смотреть, а потенциальным покупателям показывать его с наихудшей стороны. Поверь, бешеный и неуправляемый жеребец, да еще и за круглую сумму, точно никому не придется по душе!

– Хил, ты гений!– чуть не подпрыгнула от радости Энн и, соединив два кулачка возле тонких губ, добавила:

– Вот бы получилось! Убьем двух зайцев: и Странника сбережем, и на квартиру денег насобираем!

Обратно в деревню девчонки вернулись поздним вечером, правда, в июне солнце почти не уходило за горизонт и казалось, что еще самый разгар дня. Только опустевшие загоны для лошадей, да блеянье овец, загнанных в хлев, лишали иллюзий – время перевалило за девять.

Окрыленная яркими впечатлениями и мечтами о столичной жизни, Энн не сразу заметила Хинрика, одиноко стоявшего возле конюшни. Парень казался задумчивым и опечаленным.

– Привет, – мягко поздоровалась она с братом, но ответом ей послужила тишина.

– Что-то случилось, Хинрик?– состояние юноши вызывало у нее опасения. Не то, чтобы парень до этого был душой компании, но что-то в его позе и взгляде заставило Энн насторожиться.

– Иди куда шла, сестренка! – зло выплюнул тот.

– Ты из-за Странника? Да?– не унималась девчонка. – А я как раз хотела тебя найти и обрадовать. Представля...

– Заткнись и проваливай, – грубо прервал ее Хинрик, сплюнул и немного отошел в сторону, чтобы Энн поняла: общение закончено.

Слегка потерянная и раздосадованная девушка отправилась в дом. Но стоило ей только переступить его порог, как причина настроения брата стала понятна без слов.

Несмотря на поздний час, в доме были гости. Кристоф Йоханссон, отец Хилдер, сидел на большом диване в центре гостиной. Рядом с ним развалился еще один мужчина лет сорока, которого Энн видела впервые. Высокий, даже огромный, черноволосый, с очень недобрым стеклянным взглядом и в странной одежде. Такую носили бедуины в фильмах и книгах про жаркие и безжалостные пустыни.

"Чужак, не иначе!"– пронеслось в голове Энн.

Чуть дальше от мужчин стоял Ларус и крайне внимательно изучал какие-то бумаги.

Все трое были настолько погружены в свои мысли, что совершенно пропустили появление девушки, чем Энн тут же и воспользовалась, притаившись в прихожей за вешалкой с дождевиками.

– Что там читать! Условия выгодные! Никто больше не даст! – низким громовым голосом, от которого по девичьему телу моментально пробежали мурашки, на ломанном английском произнес незнакомец. Энн не ошиблась, мужчина оказался приезжим и в их дом он прибыл явно не с дружеским визитом. Его внешний вид и манера разговора внушали опасения и не предвещали ничего хорошего.

– Прошу услышать и нас, Ангур, жеребец заявлен на выставку, – тут же вмешался Кристоф. – Ларус не может продать Странника до ее завершения.

Энн моментально сообразила, почему Хинрик так переживал: этот странный, пугающий мужчина планировал присвоить их любимого скакуна и, судя по всему, вывезти за пределы страны. От одной только мысли, что их с братом преданный и надежный друг попадет в лапы этого грозного и безжалостного мужчины, сердце Энн неистово сжалось, как и хрупкие кулачки, готовые разорвать любого, кто посмеет обидеть Странника.

– Та сумма, что платить мой хозяин, многократно покрывать все неустойки, – не отступал грозный Ангур.

– А ваш хозяин не может подождать до завершения торгов? – оторвался от чтения Ларус, бросив на чужака настороженный взгляд.

Отец Энн, каким бы суровым и требовательным не казался на первый взгляд, совершенно не был человеком жадным и в этой жизни свое доброе имя ценил гораздо выше любых благ.

– Поймите меня правильно, – решил донести до чужака свои мысли Ларус, – это не вопрос цены! На кону моя репутация. Кони Ларуса Хаканссона известны по всей стране и за ее пределами. Я редкоставляю жеребцов на продажу. И если сейчас, в последний момент откажусь от участия – подведу многих.

– Пусть так! – фыркнул чужак. – Пусть конь стоять на выставке! Но покупать его только мой хозяин. Ясин хочет только этого жеребца.

– Извините за мое бестактное любопытство, – в разговор вновь вмешался Кристоф.– Почему именно Странник? Вы не подумайте, я вас ни в коем разе не отговариваю, но ни для кого не секрет, что этот жеребец с характером.

На лице Ангурс промелькнуло подобие довольной улыбки, а напряженная поза слегка расслабилась.

– Мой хозяин не терпеть простых путей! Этот конь стать свадебным подарком для эмира.

При слове эмир отчего-то тут же насторожился Ларус. Энн смотрела на него из своего укрытия и то, как ожесточились скулы на лице отца и с какой силой пальцы вжались в изучаемые бумаги, заметила сразу. В очередной раз что-то вывело его из себя.

– Напомните, Ангур, куда именно вы планируете отправить Странника?

– Я забрать жеребца в Деэирию.

– Простите, я передумал, – так и не изучив до конца документы, Ларус грубо швырнул их на стол и, бесстрашно взглянув в глаза чужеземца, добавил:

– Странник не покинет пределы Исландии. Наш разговор считаю завершенным.

Ангур явно собирался что-то возразить, только Ларус не позволил, бесцеремонно перебив последнего:

– Всего доброго, Ангур! Не смею вас больше задерживать. Надеюсь, на выставке вы сможете найти достойную замену моему Страннику.

Подобно молнии, чужак вскочил с места, нависая огромной черной тучей над Кристофом, который по наитию вжался всем телом в диван. Ангур же, совершенно не обращая на него внимания, сделал широкий шаг в сторону уверенно стоящего поодаль Ларуса.

– Все продаваться в этом мире! Ясин хотеть этого коня и он его получать. Это всегда вопрос цены!– голос Ангурс звучал устрашающе, но еще больше пугал его взгляд, нацеленный на отца Энн. – Все меряться деньгами!

– Прощу покинуть мой дом! – прорычал Ларус и жестом руки указал на дверь, тем самым невольно привлекая внимание собравшихся к робкой фигуре Энн, притаившейся у выхода.

Ох, если бы только можно было от стыда дотла сгореть, от милой Энн в эту минуту не осталось бы и следа. Три пары глаз с удивлением, интересом и открытым недовольством пристально разглядывали ее снизу доверху, а она, поначалу слегка растерявшись, быстро взяла себя в руки и вышла из укрытия, приветливо улыбаясь всем присутствующим.

– Энни, милая, – оживился Кристоф, вынырнув из глубины дивана, – вы с Хилдер уже вернулись? Как прошла поездка? Надеюсь, везде успели?

– Все замечательно, – из сумрака прихожей Энн шагнула навстречу мужчинам, немного щурясь от яркого света ламп и ощущая на себе тяжелый взгляд незнакомца. Сама же девушка старалась на него лишний раз не смотреть, дабы не показаться плохо воспитанной и не осрамить отца еще больше.

А вот Ангур, напротив, как зачарованный, не мог отвести от нее своих цепких и пытливых глаз. Его взгляд, казалось, застыл в одной точке: на лице Энн.

– Таба²! Алия таба! – одними губами шептал мужчина и слова, срывающиеся с его губ, своим мягким звучанием околдовывали слух девчонки. Энн и сама не заметила, как ответила на проницательный взгляд незнакомца своим открытым и доверчивым.

– Таба! – чуть громче произнес мужчина и тут же склонил голову, чем изрядно удивил всех.

– Энни, иди к себе! – внезапно и строго прозвучавший голос Ларуса вдребезги разбил волшебство момента, приводя Энн в чувство.

Она тут же отвернулась от Ангуга, кивнула отцу и побежала к себе.

– Таба, – раздался за спиной голос чужестранца, а вслед за ним и разъяренный рык отца девушки:

– Забудьте дорогу в мой дом!

*****

*Дезирия. Провинция Ваха.
Наши дни.
Адам.*

– Ангур, мне без разницы как ты это сделаешь, но Саид должен получить свой подарок. Других способов достучаться до его сердца, видит Аллах, не осталось! — твердо и непоколебимо стоял на своем Адам.

Непроглядная ночь давно окутала своей желанной прохладой все вокруг. Однако, даже она не могла охладить гнев молодого мужчины. Он шел к своей цели много лет. Долгих, беспроектных, тяжелых... Он потерял слишком много: отца, двух братьев и большую часть своих земель, некогда самых процветающих в Дезирии. Его народ, истощенный голодом, непомерными налогами и вечными войнами, давно потерял всякий вкус к жизни и доверие к королевской семье. Адам и сам все чаще сомневался в здравом уме Саида – правителя Дезирии, и неуклонно вспоминал последние слова отца: "Слабость Саида на севере. Найди то, что греет его сердце сильнее солнца в полуденный зной, и, увидишь, как вновь расцветет его величие." И он нашел... По крайней мере, именно так он думал, отправляя своих людей на край света за строптивым жеребцом.

Адам Ясин Ибн Аббас Аль-Ваха смотрел вдаль, безошибочно устремив свой взор на северо-запад, туда, где прямо сейчас его верный и преданный Ангур столкнулся со стеной в лице Ларуса Хаканссона. Упрямый, непробиваемый ишак, нежелающий уступить жеребца, путал все карты молодому шейху.

О любви Саида к лошадям не знал, разве что ленивый. Десятки арабских скакунов самых разных мастей служили украшением и визитной карточкой правителя. Но мало кто знал, что самую преданную и безграничную любовь Саид питал лишь к одному совершенно не похожему на остальных жеребцу. Смерч был его отдушиной, его другом, его главным и самым дорогим воспоминанием из прошлого. О том, как затесался лохматый, приземистый и коренастый конь с характером самого дьявола среди отборных арабских скакунов, слагали легенды. Но все они сводились к одному: Смерч спас Саида и тем самым сохранил королевский род.

Около пяти лет назад Смерч заболел, а после, несмотря на усилия лучших ветеринаров, умер, оставив в сердце Саида зияющую дыру. С тех пор эмира словно подменили. Безжалостный, озлобленный, свирепый, казалось, он сорвался с цепи.

– Адам, я разберусь с конем, обещаю, – тяжелым голосом отозвался Ангур. – Будь спокоен, Саид получит то, что поможет нам приблизиться к цели.

Уже не первый год Адам – молодой эмир провинции Ваха, когда-то самой богатой в Дезирии, безуспешно пытался повлиять на Саида, на его глупую и необдуманную манеру управления страной. Только все в пустоту. Сумасбродный Саид Ибн Бахтияр Аль-Наджах никого не слышал и постепенно разрушал то, что его предки возводили ни одно столетие. Постоянные восстания и жгучее недовольство народа он подавлял жестоко и безоговорочно, вселяя в людей страх и приучая к покорности. Единственный оставшийся в живых из королевского рода Аль-Наджах Саид совершенно был не готов к трону и заботе о своем государстве. Да и никогда он не рвался к власти. Еще двадцать лет назад сам отрекся от престола ради безум-

ной любви в пользу младшего брата . Вот только, покинув Дезирию на долгие месяцы, Саид вернулся к обгоревшим руинам бывшего могучего государства, потеряв не только свой дом, но и всю семью...

Именно тогда он подарил народу надежду, вопреки бывшему отречению взойдя на престол, а люди приняли его, понимая, что Саид был единственным , в чьих венах текла королевская кровь.

Именно тогда он и привез в Наджах Смерча – непокорного жеребца из далекой Исландии, который стал символом новой страницы в истории Дезирии.

Именно тогда, семилетний Адам впервые увидел дочь Саида Алию: крохотную малышку с огромными искрящимися глазами и золотистыми, словно вечернее солнце волосами, и твердо решил, что однажды она станет его женой.

– Ясин, – голос Ангур отвлек Адама от воспоминаний, – есть еще кое-что!

– Говори, – отрешенно произнес тот. Уже давно ему не сообщали хороших новостей, а к плохим он, пожалуй, привык и умел достойно принимать их.

– Девушка, дочь Ларуса Хаканссона, – Ангур замолчал, видимо, пытаясь подобрать нужные слова.

Открыто признаться, что Энн была точной копией невесты Адама, мужчина не мог. Саид воспитывал Алию, строго соблюдая традиции, а потому лицо девушки было скрыто от посторонних глаз последние лет шесть. Даже Адам, с детства входящий в дом эмира Дезирии и считавшийся будущим мужем девушки, уже долгие годы не видел ее золотых волос, от которых не мог отвести глаз в детстве.

– Ангур, мне нет дела до его дочери. Это все?

Не подозревавший ни о чем Адам, не намерен был разговаривать на отвлеченные темы.

– Все, – вымолвил Ангур, так и не решившись сообщить вспыльчивому мужчине об Энн. Он понимал, что тогда ему пришлось бы повиниться и в том случае, когда застал Алию в саду без хиджаба и в компании Маджида. Ангур, при всей своей напускной холодности и жестокости, понимал , что подобная новость способна разбить сердце Адама и исковеркать жизнь Али.

¹ Лаугавегур – из самых симпатичных и популярных улиц Рейкьявика. Её название можно перевести как «дорога к горячему источнику», laug по-исландски «горячий источник», vegur – «дорога». Она расположена в центре города, и считается его главной торговой улицей.

² Таба – копия (араб.)

3. Просьба

Юго-Западное побережье Исландии.

Наши дни.

– Ты считаешь это забавным? – сидя на деревянной перекладине забора и глядя на Энн огромными выпученными глазами, удивлялась Хилдер. Только что подруга поделилась с ней событиями минувшего вечера.

– Ой, Хил, у тебя сейчас такие же глаза, как у того чужака. Не хватает томного голоса и жуткого "Таба", – никак не могла перестать смеяться Энн, ухватившись руками за жердочку и качая ногами.

Этим утром, как и договаривались накануне, девчонки встретились возле конюшен, чтобы обсудить план по спасению Странника. Хилдер обещала закинуть удочку отцу о работе на выставке, а Энн по возможности не злить своего. И если одна из них справилась со своей задачей, то вторая все еще переживала и ждала наказания от Ларуса, хотя и старалась не показывать подруге своего волнения. Вместо этого Энн во всех красках описывала Ангура: его нелепую и смешную одежду, его корявое произношение отдельных слов и то, как загадочно тот шептал что-то на своем языке, глядя на Энн.

Если честно, минувшей ночью Энн почти не сомкнула глаз. Такие проступки, какой совершила она, тайно подслушивая чужой разговор, Ларусом никогда не оставались незамеченными. А потому Энн с дрожью в коленках прислушивалась к каждому шороху, ожидая за дверью разгневанного отца, но тот так и не пришел.

Не появился Ларус и утром за завтраком. На бесконечные вопросы детей, где папа, Арна мягко отвечала, что спозаранку уехал по делам.

– Таба, таба, таба, таба, – подыграла подруге Хилдер, еще сильнее выпучив глаза, и обе громко рассмеялись.

Заливистый смех, подхваченный неутомимым ветерком, разносился по округе. Стоило оглянуться, как начинало казаться, что природа радовалась вместе с девчонками: в кои-то веки на небе светило солнце, которое согревало своими лучами и заставляло играть яркими непривычными красками все вокруг, лошади в загоне радостно ржали, подставляя довольные морды навстречу ветру, а птицы щебетали, наслаждаясь моментом.

– Я тоже не прочь немного посмеяться, – язвительным голосом нарушил легкий настрой беседы Хинрик.

Подруги синхронно обернулись в сторону парня, который вальяжной походкой приближался к ним, сложив руки в карманы брюк. Энн тут же улыбнулась, совершенно забыв про вчерашнюю грубость брата, а Хилдер, слегка потупив взор, приветливо кивнула.

– Неужели? Разве ты умеешь?– шутя переспросила Энн, за что мгновенно получила легкий толчок в бок от подруги.

– Так о чем речь? – не обращая внимания на колкости сестры, парень подошел ближе и запрыгнул на перекладину рядом с ней. Деревяшка мгновенно прогнулась под избыточным весом, заставляя Энн и Хилдер завизжать и оттого рассмеяться с новой силой.

– Ты еще слишком маленький, чтобы вникать во взрослые разговоры, – продолжала в шутку злить брата Энн.

Ноздри того тут же раздулись от возмущения, а грозный взгляд полоснул по девчонкам.

—Таба, таба, таба, таба,– еле сдерживая смех, вновь пропищала, краснея, Хилдер, уж слишком серьезным и суровым казался парень, точь-в-точь как описывала Энн вчерашнего гостя.

– Осталось только закутать его в лохмотья, – от души хохотала Энн.

– Две глупые, пустоголовые обезьяны, – выплюнул Хинрик, спрыгивая с забора, всем своим видом демонстрируя отвращение.

Быстрыми резкими шагами парень поспешил обратно, но вдруг оглянулся и, глядя на сестру в упор, ответил на ее колкости своей грубостью, явно наслаждаясь победой:

– Энн, отец вернулся и ищет тебя. Похоже, ты опять оступилась, сестренка. Интересно, когда его ремень начнет свистеть в воздухе, ты тоже будешь хохотать, как умолишенная?

– Эй, Энни, не слушай его, – заметив, как тут же напряглась подруга, Хилдер схватила ее за руку, желая поддержать. Затем спрыгнула с перекладины вслед за Хинриком и подбежала

к нему, дергая за плечо и разворачивая в свою сторону. Ее щеки горели, а внутри все кипело. Детская влюбленность в мальчишку сейчас уступила место негодованию и разочарованию.

– Такой большой, сильный, отважный, – стараясь звучать уверенно, обратилась она к Хинрику, – как ты можешь спокойно смотреть на то, как Ларус измывается над твоей сестрой, и мало того, что не останавливаешь его, так еще и наслаждаешься этим? Ты чудовище, Хинрик! Самое настоящее!

Было видно, что слова давались девчонке с трудом, но промолчать она не могла. Хинрик всегда был грубым и скупым на эмоции, но никогда раньше Хилдер не замечала в нем жестокости. Такой, как сейчас.

– Осмелевшая Хилдер – это что-то новенькое! – ухмыльнулся парень, а затем вновь бросил беглый взгляд на сестру. – На твоём месте я бы поторопился!

Грубо оттолкнув от себя Хил, как ни в чем не бывало, он продолжил свой путь. Энн с поникшим видом поспешила следом.

– Прогуляемся? – предложил Ларус, встретив Энн у крыльца.

Как ни странно, но в его голосе девушка не заметила ни злости, ни агрессии. Скорее он казался усталым и серьезным.

Не дожидаясь ответа дочери, Ларус спустился и неспешно пошел в сторону заброшенной часовни. Само собой, Энн отправилась следом.

– Пап, я хотела извиниться за вчерашнее, – нагнав отца, решила первой нарушить молчание. В конце концов, она действительно поступила некрасиво. – Я не хотела подслушивать, честно, просто вы были так сосредоточены на своем, что побоялась вас отвлекать.

Энни отлично понимала, что если Ларус решил ее проучить, то никакие ее оправдания не смогут его остановить. Но не попробовать не могла.

– Я рад, что ты осознаешь, насколько отвратительно поступила, и надеюсь впредь такое не повторится.

Девушка мысленно уже приготовилась выслушивать слова отца о молитвах к Богу и о том, чтобы тот смягчил наказание, но Ларус молчал, размеренными и широкими шагами приближаясь к часовне.

Заброшенное здание не было сильно старым или до безобразия разрушенным, но вот уже лет двадцать им никто не пользовался. Старики, как правило, избегали разговоров об этом месте, считая его проклятым, а детям с детства внушали, что именно здесь проходит граница, дальше которой заходить не стоит.

– Куда мы идем?– поинтересовалась Энн, не совсем понимая поведение отца.

– К обрыву, – как в порядке вещей, ответил Ларус.– Я хочу кое-что тебе рассказать.

– Что именно?– уточнила девчонка, затрачивая не мало усилий, чтобы не отставать от отца.

Но мужчина вновь промолчал. Он вообще вел себя странно, отчего Энн терялась в догадках.

– Это моя ошибка,– проходя мимо часовни вдруг вымолвил Ларус.– Я должен был продать этого чертового жеребца сразу, как увидел, а не дожидаться, когда прошлое постучится в двери.

– Я не понимаю, – пропищала Энн, но что-то объяснять мужчина не торопился.

И лишь когда вдалеке стало возможным различить очертания мыса, Ларус замедлил ход, а потом и вовсе остановился.

– Сколько лет прошло, – негромко, глядя в сторону океана начал Ларус. – Не думай, что я не понимаю, как сильно вы с братом привязаны к этому коню. Если бы только он не уродился копией деда...

Энн внимательно слушала отца, теребя в руках рукава толстовки, повязанной вокруг пояса. Разговор с Ларусом по душам, чего греха таить, казался ей очень странным и доселе весьма непонятным. Наверно, поэтому девчонка взглядом скользила по низкорослой траве, всматривалась вдаль и провожала в небе замысловатые облака, тем самым пытаясь уцепиться за что-то более привычное.

Ларус же, глубоко вздохнув, вновь зашагал вперед к тому месту, где еще совсем недавно Энн держала за руку брата, наблюдая за китами.

– Я все равно продам его, дочка. Давно уже должен был продать, – все также задумчиво рассуждал мужчина. – И не потому, что не уважаю ваших чувств с Хинриком, нет. Лишь для того, чтобы увести беду из нашего дома. Хотя, возможно, я опоздал.

– О чем ты говоришь? – недоумевала девчонка, хотя и старалась впитывать в себя каждое слово отца.

– Я хочу попросить тебя, Энн, – Ларус вновь остановился, но на этот раз для того, чтобы обхватить плечи дочери руками, тем самым заставляя ее посмотреть на себя. – Попрощайся с жеребцом здесь и не появляйся на выставке.

– Но... – попыталась возразить Энн.

– Знаю и про квартиру, и про работу, – перебил ее мужчина. Его ладони все сильнее сжимали хрупкое тело дочери. – Я помогу с деньгами, не переживай. А еще сделаю все возможное, чтобы Странник остался в Исландии. Вы с братом сможете навещать его при желании.

Энн отчаянно замотала головой. Как же она могла оставаться в стороне, когда ее друга, верного и надежного Странника, отец собирался продать.

– Это не обсуждается, Энн, – рыкнул было мужчина, но потом осёкся. Он давно уже понял, что давить на дочь, принуждать и заставлять что-то делать, было совершенно никчемным занятием. – Странника я продам в любом случае. На выставку без моего согласия Кристоф тебя не возьмет. Вот и скажи, что ты теряешь своим отказом.

Энн смотрела на отца и отчетливо понимала, как важно для него все, о чем тот просил, но согласиться, так и не узнав причин поведения отца, не могла.

– Так зачем вообще его продавать? Выстави на продажу другого, в чем проблема?

И вновь Ларус проигнорировал адресованный ему вопрос. Он отпустил Энн и молча устремился вперед. Девчонка шла следом, пытаясь разгадать поведение отца и уловить логику в его словах.

Остановившись у самого края пропасти, Ларус решительно прикрыл глаза, мысленно возвращаясь в прошлое. Энн же смотрела на океан, который сегодня казался безмятежным, хотя, как и каждый, живущий в этих краях, понимала, что это было весьма ошибочное суждение.

Вдоль побережья в скальных расщелинах она заметила забавных красноклювых тупиков, с мурлыкающим воркованием то и дело пролетающих над поверхностью воды. В другой раз девчонка могла бы часами наблюдать за их поведением, наслаждаясь шумом океана, но сейчас ее волновал только отец.

– Я был немногим старше тебя, Энн, – так и не открывая глаз, заговорил мужчина. – Отец разводил лошадей, а мы с Джоанной мечтали однажды покинуть эти места. Сестра мечтала о дальних странах, о приключениях, об интересной работе. Ее никогда не привлекала тихая и размеренная жизнь. Наверно, поэтому сразу после школы она перебралась в столицу, отучилась на журналиста и устроилась в местную газету. Но и этого ей было мало. Однажды она просто уехала. Три года мы не знали, жива она или нет. Три года отец и мать сходили с ума, а чертовка даже ни разу не позвонила. Три долгих года...

Ларус открыл глаза и посмотрел на дочь. Внимательно, вездливо и с какой-то необъяснимой тоской.

– Джоанна вернулась спустя три года. Но знаешь, Энн, это уже была не моя сестра. В ее глазах было столько боли, что океан по сравнению с ней казался обычной лужей. Она перестала смеяться. Сторонила людей. И каждый день приходила сюда.

– Где она была все это время?

– Не знаю, дочка. Новая Джоанна почти не разговаривала со мной. Но не думаю, что от хорошей жизни она побитой собакой вернулась в родительский дом.

Энн, может и не в таких подробностях, но уже не раз слышала эту историю и никак не могла понять, зачем отец опять ей рассказывал об этом.

– Причем тут Странник, пап?

– Был у нас конь в то время. Смерч. Норовистый и строптивый. Почище твоего Странника, Энни, – на лице Ларуса на мгновение расцвела улыбка. Искренняя, настоящая. – Ох, ну и любил я его! Казалось, на все ради него готов был. Вот только жеребец со своим характером много проблем приносил отцу, отчего и выставили его на продажу. Неудивительно, что желающих купить негодника оказалось немного. Изредка к нам приезжали люди, чтобы посмотреть на Смерча. Но когда в доме появлялись незнакомцы, Джоанна начинала вести себя очень странно. С утра до вечера она пропадала в часовне, что сейчас пустует. Как будто пряталась от кого, не знаю. Только однажды занемогла и решила переждать гостей в доме. В тот день

к нам приехал такой же мужчина, как и вчера, только чуток помоложе. Он казался потерянным и в тоже время жестоким. В его глазах плескалось отчаяние и безнадежность. Но что удивительно, при всей своей неприглядности, тот мужчина сразу нашел подход к Смерчу. Я даже, помню, приревновал и со злости убежал из дома. Как и Джоанна отсиживался в часовне, проклиная чужестранца. В тот день, дочка, Саид, так его звали, забрал Смерча.

Ларус резко замолчал, оглядываясь по сторонам.

– Он вернулся спустя пару дней. Неожиданно. Без предупреждения. Тем утром отец возился в конюшне, мать с Арной увезли тебя в город к врачу, а Джоанна, как обычно, пропадала здесь. Мне же было поручено приглядывать за ней. Ох, как выводило меня из себя это занятие. Я сидел в часовне, подгоняя время, и сходил с ума от безделья, когда меня оглушил дикий крик.

Взяв отца за руку, Энн прикрыла глаза, как совсем недавно делал Ларус, и попыталась представить все, что здесь произошло.

– Джоанна не была сумасшедшей, Энн. И тем более, не хотела прыгать вниз. Я все видел: ее страх в глазах и его безумие. Слышал, как громко они ругались, но не понимал ни слова. Помню, как бежал со всех ног к сестре, но не успел.

– Этот мужчина толкнул ее вниз?– испуганно спросила Энн.

– Нет, Энни. Не в том смысле, в котором можно было бы предъявить ему обвинения. Мы тогда потеряли слишком много, дочка. И мне очень страшно, что история может повториться.

– Знаешь, пап, это, конечно, страшно – терять близкого человека, но причем здесь я и выставка?

– Тот мужчина, что приходил сюда вчера, приехал с тех самых мест, а в глазах его сверкало безумие, ничуть не уступающее по силе тому, что я видел тогда в глазах Саида, дочка. Продать ему жеребца – заведомо обречь того на мучения, а не продать...

Ларус задумчиво окинул взглядом обрыв, а потом резким движением притянул дочь в свои объятия.

– Я переживаю, Энни. Для таких людей, как Ангур, цена не имеет значения.

Всю дорогу до дома Ларус не проронил ни слова. Он шел не спеша, то и дело поглядывая на дочь.

Дочь...

Он так и не смог сказать Энн всей правды, хотя именно это и собирался сделать, вытащив ее к обрыву. Наблюдал, как девчонка радуется солнцу, подставляет свой маленький носик навстречу ветру и улыбается ему. Такая нежная, задорная, обладающая удивительной способностью всех прощать. Она как будто не помнила зла и в каждом человеке находила что-то хорошее. Наивная!

Глядя на нее, Ларус не сомневался, что она простила бы и его, и Арну, и Джоанну, но найти в себе сил признаться все же не смог.

Воспоминания далеких лет назойливо лезли в голову, как ни старался мужчина отмахнуться от них.

Ему было двадцать, когда Джоанна вернулась в отчий дом. Замученная, изможденная и на восьмом месяце беременности. Худая, почти прозрачная, в странной одежде, скрывающей ее фигуру и округлившийся живот. Она ни с кем не разговаривала и не подпускала к себе ни на шаг. словно обезумевший зверек она сидела в своей комнате, как в клетке, не выходила на улицу и практически не ела. Родители сходили с ума от отчаяния, а сам Ларус готов был разорвать любого, кто совершил подобное с его сестрой.

Спустя пару недель на свет появились две девочки. Близняшки. Лара и Энн. Две маленькие копии матери. Вот только Джоанна на них даже не взглянула. Отказалась, как от ненужных котят.

Отчаявшиеся повлиять на дочь родители, взяли все заботы о девочках на свои плечи. Бабушка и дедушка день и ночь носились с малютками, пытаясь заменить им мать. А та, чтобы не слышать детского плача, так явно что-то беревившего в ее душе, каждый день начала убегать из дома к обрыву.

Несколько месяцев пронеслись, как один день. Малышки росли здоровыми и веселыми. Молодая жена Ларуса Арна все больше проникалась к ним любовью и все чаще брала на себя заботы по уходу за девочками, в то время как их настоящая мать, все сильнее отдалялась от своей семьи.

В тот день Арна повезла Энн в город, чтобы показать врачу. Непонятная сыпь с вечера беспокоила малютку, тогда как ее сестра казалась абсолютно здоровой. Лару оставили дома под присмотром бабушки.

Ближе к обеду в дом Хакана Иворссона, отца Джоаны и Ларуса, в сопровождении нескольких мужчин ворвался Саид. Тот самый, что всего пару дней назад купил у хозяина дома породистого жеребца. Тот самый, что случайно заметил девушку возле окна, когда покидал владения Иворссона. Тот самый, от которого Джоанна так надеялась убежать.

Не обращая внимания на гневные выражения Хакана и испуганные возгласы его жены, мужчины перевернули весь дом в поисках Джоанны и ее ребенка. Силой вырвав из рук бабушки малышку, Саид забрал Лару с собой. Но прежде, чем исчезнуть окончательно, на жутком обрыве нашел свою единственную любовь, чтобы, как и предсказала старая ведьма, потерять ее навсегда.

Словно грозовая туча, беды поглотили семью Ларуса. Казалось, что хуже уже быть просто не может. Но внезапная смерть Хакана, так нелепо упавшего с лошади, и сердечный приступ матери, чье сердце просто не выдержало потрясений, окончательно ожесточили Ларуса, заставив того повзреть слишком рано.

Первое время после трагедии Арна сильно переживала, боялась, что Саид вернется, что захочет отобрать и Энн. Поэтому вместе с мужем они удочерили девочку, дав ей свою фамилию и защиту.

Долгие годы Ларус пытался разгадать мотивы Саида: кем он был для его сестры, зачем похитил малышку? Конечно, в его голове проносились мысли, что именно Саид был отцом девочек и что Джоанна пряталась от него, но все это оставалось лишь беспочвенными догадками. Единственное, что ему удалось узнать наверняка, это место откуда тот приехал. Жуткое слово "Дезирия" Ларус высек на сердце болью. В его душе, очерстевшей и закаленной, все меньше места находилось для любви и все больше для злобы и обид. Он всегда понимал одно: череда страшных событий в их доме началась с появлением Джоанны. Это она принесла проклятье на их семью! А потому не мог простить сестру и, глядя на подрастающую Энн, чудом оставшуюся в их доме, все чаще замечал в девчонке знакомые черты, оттого и был с ней непомерно строг, не брезгуя самыми жестокими наказаниями.

Вчерашний гость сразу не понравился Ларусу. И только из уважения к Кристофу – верному другу семьи, он согласился выслушать Ангура, о чем сильно пожалел. Стоило чужаку произнести "Дезирия", как Ларуса почти физически ударило током. Он не хотел, не мог, не имел права снова рисковать своей семьей. Именно потому, решил все рассказать дочери и отправить ее в столицу, как можно дальше от опасности.

Но так и не сказав Энн всей правды, сейчас смотрел на нее и, пожалуй, впервые видел в девчонке не копию своей сестры, а собственную дочь, которую не хотел потерять.

– Энни, как скоро вы с Хил сможете переехать? – нарушил долгое молчание Ларус.

Девушкам слегка вздрогнула от неожиданности и подняла искрящийся взгляд на отца:

– Мне нужно пару дней, чтобы собраться.

– Отлично, тогда в четверг утром выезжаем.

Ларус предчувствовал, что надвигается новая буря, и надеялся, что спрятав дочь подальше от дома и выставки, сможет уберечь ее и свой дом от новых бед.

***

Хилдер скривила носик и выразительно посмотрела на Энн, которая сидела на широком подоконнике и безотрывно наблюдала на стекающими по стеклу каплями дождя. Дурацкая привычка подруги— грызть все, что угодно, в моменты жгучего волнения— со школьной скамьи выводила ее из себя. И ладно, когда под руку попадалась авторучка или карандаш, хуже, когда по близости таковых не было. Прямо, как сейчас.

– Энн, перестань грызть пальцы! – сердито проворчала она, закипая от возмущения.

– Торги полным ходом, Хил! – не отрывая большого пальца от губ, пробормотала Энн. – Мне не по себе!

– Мне тоже, знаешь ли, не по себе, когда я вижу тебя в таком состоянии, – Хил спрыгнула с дивана и подлетела к подруге. Бережно обхватив ту за плечи, она уперлась подбородком в макушку девушки и все же набралась смелости заявить:

– Энни, ну правда, это же просто конь. Да, любимый, золотой, самый лучший. Но, Энн, это просто конь! И Ларус его не живодерам продает, а всего лишь в другую конюшню!

– Я знаю, Хил, – накрыв своей ладошкой руку девчонки, Энн слегка ее сжала, давая понять, что ценит ее поддержку. – Просто предчувствие нехорошее.

Подруги переехали в столицу четыре дня назад, хотя изначально планировали перебраться в город ближе к осени. Ларус и Кристоф помогли дочерям перевезти вещи и устроиться на новом месте. Но самое главное, мужчины оплатили аренду квартиры на год вперед, чтобы девочки не забывали больше голову поисками работы, а смогли сосредоточиться на учебе, хотя бы на первом курсе.

– Хил, как думаешь, отец сдержит слово?– все также глядя в окно, спросила Энн. Мысль, что Странника увезут в чужую страну, где совершенно другой климат, язык и методы воспитания, пугала Энн намного больше самой продажи коня. Ларус отчасти был прав: останься жеребец в Исландии и Энн с Хинриком смогли бы его навещать. Другое дело, если коня вывезут за пределы страны. По местным законам такому коню обратной дороги уже не было.

Хилдер бросила мимолетный взгляд на часы: короткая стрелка упорно стремилась к пяти. Торги уже должны были завершиться.

– Давай, я отцу позвоню, – предложила Хил и тут же отправилась в свою комнату, оставив Энн наедине со своими мыслями.

Устроившись поудобнее, Энни прикрыла глаза. Всё разом навалилось на нее: и разлука с братьями, с мамой, и продажа Странника, и новое место, которое хоть и было уютным, но все еще казалось чужим. А еще эта размолвка с Хинриком перед самым отъездом...

К его агрессивному поведению Энн привыкла и уже давно не обижалась на парня. Скорее жалела его. Злость мало кого могла сделать счастливым. Нет, чем больше Хинрик срывался, тем больше Энн хотелось поделиться с ним частичкой своей любви, согреть его черствое сердце, научить видеть этот мир с другой, более доброй стороны.

За пару часов до отъезда в город Энн навестила Странника, чтобы спокойно с ним попрощаться. Конь фыркал и беспокойно перебирал копытами, как будто чувствовал, что видит девушку в последний раз. Энн трепала его за ухом и что-то напевала себе под нос, когда позади послышался голос брата.

– Бежишь, трусиха?– Хинрик стоял возле соседнего стойла, перекрестив руки на груди.

– Это просьба отца, Хинрик.

– Нет, Энн, это твой выбор. Всегда легче сдаться, чем бороться!– оттолкнувшись, он сделал несколько шагов в сторону сестры, не отводя от нее осуждающего взгляда.

– Отец все равно его продаст. Ни ты, ни я не сможем ему помешать, – продолжая почесывать Странника за ухом, ответила брату Энн.

– Говори за себя, слабачка!– Хинрик до предела сократил расстояние и дернул Энн за руку, чтобы та не смела прикасаться к животному.– Не трогай его! Ты предала и его, и меня!

—Мы сможем его навещать, – в попытках освободить руку, сказала Энн, не отступив ни на шаг.

– Бред, – прорычал Хинрик. – Отец наплел тебе с три короба, а ты, идиотка, поверила! Через четыре дня Странник станет чужой собственностью и, поверь, никто и никогда не допустит нас к нему!

– Я верю отцу, раз он ...

– Какая же ты дура, Энн!– перебил Хинрик. – Уматывай в свой город и забудь о нас! Без тебя все сделаю!

– Что? Что ты собрался делать? Что вообще можно сделать? – Энн не на шутку пугали слова брата. Упертый, озлобленный, бесстрашный он мог натворить глупостей...

– Не твое дело, поняла? Вали отсюда...

– Энни, мама просила тебя найти, – голос Петера прозвучал внезапно и прервал разговор, так и не дав Энн ни нормально попрощаться с жеребцом, ни переубедить Хинрика не совершать необдуманных поступков.

– Торги закончились, – Хилдер вернулась в гостиную и взбудоражено смотрела на подругу. – Странника купил некий Адам Ваха, отец сказал, что он из Португалии. Мне так жаль, Энн, что Ларус не сдержал обещание!

Прислонившись лбом к прохладной поверхности стекла, Энни зажмурилась, чтобы слезы перестали жечь глаза, и мысленно обняла брата, которому сейчас было в разы больнее, чем ей.

– Энн, ты только посмотри, – Хилдер подошла ближе и протянула смартфон, на экране которого красовались фотографии жгучего брюнета.– Если это тебя успокоит, Странник попал в руки очень симпатичного и горячего мужчины. Ну же, взгляни!

Разглядывать парней в сложившейся ситуации Энн хотелось меньше всего. Она помотала головой и шмыгнула носом. Слезы непослушно скопившись в уголках глаз, все же нашли выход.

– Этот Ваха – алмазный король! – не обращая внимания на подругу, Хилдер продолжала увлеченно изучать интернет в поисках информации о покупателе. – У него ювелирные салоны по всему миру. Италия, Португалия, Франция, даже в Штатах есть, представляешь?

– Хил, – Энн попыталась было остановить подругу, но махнула рукой. Пусть говорит, что хочет. Какая уже разница, кто такой этот Ваха, если он не местный и увезет Странника из страны.

– Но странно, Энн, очень странно, – не унималась Хилдер. – О его компании написано много, а о нем самом информации почти нет: имя, пара фотографий и все. Но зато какие фотографии, Энни! Вот это взгляд!

Проигнорировав восторженные возгласы подруги, Энн прыгнула с подоконника и пошла на кухню, чтобы налить себе воды. Что сделано, то сделано. Странник был продан и изменить сей факт было ей не под силу. Но в этот момент в голову девчонки вихрем ворвалась шальная идея.

– Хил, а номера телефона этого Адама там случайно нет?

– Нет, конечно, только номера филиалов.

– Жаль, – сделав глоток воды, вздохнула Энн.

– Что ты задумала? – настороженно спросила Хил.

– Ничего, просто хотела дать несколько советов, чтобы Странник быстрее адаптировался.

– Думаю, Ларус и так все расскажет, – махнув рукой, Хил подошла к подруге и тоже налила себе воды.

– Отец ничего не знает о Страннике, Хил. Он считает его глупым и неуправляемым. Но это не так. К нему просто нужен особый подход. Я могла бы подсказать. Уверена, это облегчило бы жизнь и коню, и его новому владельцу.

– Может ты и права, Энн, – решительно поставив пустой стакан на столешницу, заявила Хил и, подмигнув подруге, добавила:

– Я попытаюсь узнать его номер у отца.

4. Голос

Дезирия. Провинция Ваха.

Наши дни.

Считанные минуты оставались до окончания торгов. Адам сидел в кабинете отца и отслеживал их по видеосвязи. Для отвода глаз Ангур на месте делал вид, что изо всех сил пытается перебить ставку некоего Адама Вахи из Португалии, и забавно злился, когда в очередной раз оставался с носом. На удивление жеребец Ларуса пользовался спросом. Несколько местных коневодов боролись до последнего, но предложить больше алмазного короля, конечно, были не в состоянии.

Адам Ваха... Именно так на западе именовали эмира провинции Ваха, дабы не вызывать излишних вопросов у иностранных партнеров. Несколько филиалов основанной еще дедом алмазной корпорации были разбросаны по всему миру. Но мало кто в живую видел Адама хотя бы в одном из них. Никогда бизнес не стоял для молодого человека на первом месте. Да и что это за бизнес такой? Алмазы... Чертов минерал, которым были нашпигованы его земли. Проклятые камни, которые пробуждали в людях самые низменные их черты: алчность, жадность, зависть. Алмазы— главная причина отсутствия мира и покоя на родине Адама. Разве мог он любить их? Разве мог поклоняться им? Нет. Как, в принципе, и полностью игнорировать их наличие...

Вздых облегчения. Всё. Торги завершились и Странник по праву перешел во владения Адама. Глупый, недалекий Ларус так сильно противился отдать коня Ангuru, что даже не удосужился узнать, кто скрывался под именем португальца.

Широко улыбнувшись, Адам захлопнул крышку ноутбука и подошел к окну. Июнь. Месяц удушающей жары и смертельной засухи. Тяжелый и невыносимый. Это здесь, на вилле Сабах аль Вахо, почти на самом побережье еще иногда морской бриз ласкал разгоряченную кожу и охлаждал ум. Но стоило отъехать немного дальше, вглубь провинции, как раскаленное солнце пожирало своим адским жаром все живое.

Нет, везти коня в это пекло было губительной пыткой для животного, привыкшего к холодному, влажному климату. Да и спешки никакой не было: свадьба Саида была запланирована на сентябрь. Ближайшие несколько месяцев жеребец должен был провести в родной конюшне Ларуса Хаканссона, конечно, за увесистую плату со стороны Адама. Забрать Странника в Дезирию мужчина планировал не раньше, чем за пару недель до праздника. Хотя назвать пятую свадьбу Саида праздником, у Адама не поворачивался язык.

" Проклятый род! Проклятый Саид!" – крутилось в его голове. Зухра, покорная и невинная дочь шейха Назира Аль-Араиса, годившаяся Саиду в дочери, должна была стать пятой женой эмира. Пятой! И ни одной прежней не осталось на этом свете! Народ не врал: род Аль-Наджаж был проклят! Ни одной живой жены, ни одного сына за долгие почти двадцать лет... Зухра была последней надеждой эмира на наследника...

Адам не испытывал жалости к Саиду. Только не к нему. Бездарный правитель, загубивший и разоривший некогда великую и богатую страну был не достоин сострадания. И, по мнению Адама, требовал свержения. Вот только восстания были тому нипочём. Любой, кто хотя бы замыслил подобное, уже давно отправился к праотцам в преисподнюю.

Распахнув витражную дверь и впустив поток обжигающего воздуха в охлажденный кондиционерами отцовский кабинет, по пологим ступенькам Адам спустился во двор. Сегодня молодой человек стал на один маленький шаг ближе к цели.

Саида должен был тронуть его подарок. Должен был задеть за живое. Должен был подтолкнуть к правильному решению. А в том, что существует только одно верное решение, Адам не сомневался.

Алия.

Единственная дочь Саида.

Так распорядился Аллах, подарив Саиду только одного ребенка! Совершенно не похожая на отца, привезенная непонятно откуда она еще в детстве была признана народом Дезирии, как истинная Аль-Наджаж, и до сегодняшнего дня являлась единственной продолгательницей королевского рода. Даже если Зухра и смогла бы подарить правителю сына, до его становления на престол прошел бы ни один десяток лет. Этого времени, Адам был уверен, ему бы хватило, чтобы вернуть Дезирии былую славу. Если бы не одно "но": Саид не спешил отдавать Алию в жены.

Эмир до безумия любил свою дочь. Златовласая красавица с песчаными глазами и огромным сердцем была для него центром мироздания. Саид боготворил ее и, если бы на то была его воля, Алия навсегда осталась бы нетронутым и прекрасным цветком в его жизни.

Долгие годы молодой человек добивался руки Алии. Да и для Саида более выгодного и благородного союза было грех желать. Еще отец Адама, покойный Аббас Аль-Ваха, передал часть самых богатых земель и несколько наиредчайших алмазов из семейной коллекции, чтобы закрепить договоренность: по достижении Алией восемнадцати лет она должна была перейти во владения Адама.

Вот только отец погиб, а сама Алиа который год находила отговорки, чтобы отсрочить неизбежное...

– Отныне будешь моей, Алиа!– глядя в бездонную черноту неба, прошептал Адам. – Бегать от своей судьбы осталось тебе совсем немного!

Подувший со стороны океана едва прохладный ветер, только подтвердил намерения молодого человека, даруя ему глоток свежего воздуха и надежды.

Мобильный в руке ожил внезапно. Поглощенный мечтами об Алие, Адам не сразу сообразил взглянуть на номер звонившего. Отчего-то он был уверен, что это Ангур спешил поздравить с победой. Конечно, если бы голова молодого эмира была свободной от пленительных чар Алии, он вспомнил бы про разницу во времени и про то, что покорный Ангур никогда бы не позволил себе нарушить его покой пустыми звонками в такой поздний час. Если бы... Но мысли Адама были далеко.

– Наам,¹ – раздался в темноте сада его низкий голос в предвкушении радостного ответа Ангура.

Но кроме сбивчивого дыхания по ту сторону ничего он не услышал в ответ.

– Наам, – повторил Адам.– Тахдт!²

Никогда раньше Ангур не был настолько нерасторопным, как сейчас. Никогда не позволял себе подобных заминок!

– Простите. Могу я поговорить с Адамом Ваха, – раздалось в ответ.

Этот нежный, ласкающий слух голос Адам готов был узнать из миллиона других. Проникновенный. Дорогой его сердцу и такой желанный. И даже тот факт, что прозвучал он на английском, совершенно не отложился в сознании.

Миллиарды иголок пробежали по телу Адама, заставив каждую клеточку его тела напрячься до безумия. Она позвонила. Сама. Нарушив традиции и волю отца.

Недопустимо. Непростительно. Невозможно. Но настолько желанно...

– Алия? – еле вымолвил он, сжимая в руке кусок пластика, и совершенно не веря своим ушам.

– Алия?– затаив дыхание переспросил Адам. Он отчаянно не понимал, что могло сподвигнуть его неприступную невесту, позвонить ему в столь поздний час.

– Простите, вы говорите по-английски?– вкрадчиво отозвалась девушка, словно не слышала своего имени.

Что это? Игра? Очередная хитрость? В любом случае, Адам отчётливо осознавал, что подобная выходка не сойдет с рук обоим. И даже королевская кровь в венах Алии не уберёжет ее от гнева отца, если тот, конечно, узнает о ее проделке.

– Я, наверно, не вовремя, – никак не унималась чертовка. – Прошу, уделите мне всего минуту.

– Слушаю, – подыграл мужчина, перейдя на английский. Противоречия заполняли его душу, но желание узнать, что замышляла Алия, взяло верх.

– Вы сегодня приобрели коня у нашей семьи и ...

– Коня?– перебил Адам.

Моментально пелена заблуждения спала, возродив в нем прежнего сурового и нелюдимого эмира провинции Ваха. Алия не могла знать про коня, а значит, мужчина ошибся, впервые спутав голос своей невесты с другим.

Резко оторвав телефон от уха, Адам бросил недобрый взгляд на экран и, убедившись, что номер был ему незнаком, прорычал в трубку:

– Вы кто?

– Оу!– опомнилась девушка.– Меня зовут Энн. Ларус Хаканссон мой отец. Я хотела предложить свою помощь.

Адам не терпел таких разговоров. Да что там... Если бы не этот голос, он и вовсе бы оборвал беседу. Но что-то, какая-то неведомая сила удерживала его, не позволяя сбросить надоедливый звонок.

– Я не нуждаюсь в помощи, – рявкнул он, а сам сильнее прижал трубку к уху.

– Хмм, – вздохнула девушка, будто никак не могла подобрать слов или стеснялась того, что собиралась сказать. – Если честно, помочь я хотела коню, а не вам.

Еле сдержал себя Адам от нахлынувшего возмущения. Да что она себе позволяла, как только посмела заявить такое? Неужели не понимала с кем говорила?

– Странник только с виду такой грозный и характерный, – затараторила та, словно Адам дал ей на это право. – Внутри он, как ребенок: чуткий и ранимый. Я так боюсь, что вы выберете неверный путь, что попытаетесь сломать его, подчинив своей воле. Знайте, это дорога в никуда.

– Хватит! – оглушил своим криком Адам. Еще не хватало, чтобы какая-то девка позволяла себе учить его жизни. Дерзкая, бесстрашная и, по всей видимости, очень глупая, раз посмела заявить ему подобное. Да как вообще она решилась заговорить с ним?

Не дожидаясь, когда эта наглая девица скажет что-нибудь еще, Адам сбросил вызов и, развернувшись на пятках, поспешил вернуться в дом. Ярость и негодование бурлили в его взгляде, а возмущение никак не находило выхода. Как неприкаянный, он слонялся по кабинету отца в попытках успокоиться, забыть о нелепом разговоре, но ничего не выходило...

По его самолюбию только что нанесли удар. И кто? Взбалмошная, потерявшая всякий страх и стыд девчонка! Но этот голос...

Тут же в голове вспыхнули воспоминания о недавнем разговоре с Ангуром, когда тот пытался что-то рассказать о дочери Хаканссона, а Адам его перебил. Проклятье! Ничего хорошего подобный поворот не обещал.

– Ангур! – бешено взревел Адам, стоило его верному помощнику ответить на вызов.

– Ясин, не ожидал твоего звонка, – встревоженно ответил мужчина. – Что заставило тебя в столь поздний час набрать меня?

Ангур обладал удивительным даром чувствовать перепады настроения Адама даже на расстоянии. Как часто, это помогало мужчине сохранять свою шкуру в целостности и сохранности. Он всегда знал с кем говорил в данную секунду: со своим старым и преданным другом Адамом, с которым уже долгие годы преследовал одну цель, или с безжалостным Ясином, эмиром провинции Ваха и правой рукой правителя Дезирии.

– Говори, Ангур! – приказал Адам.

Конечно, в его сознании созрел вопрос и желание разобраться, вот только бедному Ангuru, в данный момент ужинавшему в ресторане отеля в столице Исландии, было невдомек, что хотел от него услышать разъяренный мужчина.

– Все прошло, как мы с тобой планировали, Ясин! Конь твой. Жеребец ладный, я тебе скажу. И даже...

– Чертов конь! – взревел Адам. – Чем я разгневал Аллаха, раз всю ночь вынужден слушать заботливые речи об этом скакуне?

– Тише, Ясин, тише! – завокнулся Ангур. – Давай по порядку. Что стряслось?

– Неделю назад ты собирался рассказать мне о дочери Хаканссона. Я тебя слушаю, Ангур!

– Да нечего там рассказывать, – выдохнул тот. За неделю он многократно прокручивал в голове встречу с девчонкой и все больше приходил к выводу, что поступил верно, не рассказав Адаму своих наблюдений. Ни к чему было наводить смуту, подставлять себя и Алию, да и дочь Ларуса он с тех пор больше не видел ни разу. Порой начинало казаться, что сходство девушек ему и вовсе померещилось.

– Ангур, – тихим, но наполненным гневом голосом остановил друга Адам, – не ври мне! Мы оба знаем, что ты не умеешь! Она звонила мне только что! Ангур, что с ней не так?

Секундное затишье со стороны мужчины лишь сильнее распалило любопытство молодого эмира. Неужели и Ангур уловил сходство девичьих голосов. Хотя откуда? Это на глазах Адама Алиа выросла из крохотной девочки в дивную девушку. Это ему, как названному жениху, позволялось изредка общаться с Алией и наслаждаться ее нежным голосом. Ангур же не имел права даже близко подходить и тем более разговаривать с дочерью Саида. Значит, насторожило его что-то другое.

– Знаешь, Ясин, – поразмыслив, все же отозвался мужчина, – чтобы я тебе не сказал сейчас, ничего не сможет объяснить увиденного мной. Приезжай. Уверен, эта девушка удивит и тебя.

--

¹– Да (араб.)

²– Говори! (араб.)

5. Завтра

Исландия. Рейкьявик.

Адам.

Далекий и пасмурный остров встретил Адама во всей своей ледяной красе. Хмурое, беспросветное небо, казалось, опустилось до самой земли и давило своей серостью и тяжестью, ухудшая и без того поганое настроение мужчины.

– Что я здесь делаю?– смахивая с лица морось дождя, проворчал он.

Покидать пределы своей страны Адам терпеть не мог с детства. Слишком сильную привязанность к родным землям привил ему отец. Слишком большой страх в его душе поселила гибель деда и матери, разбившихся на частном самолете недалеко от берегов Дезирии. Тогда Адам был еще ребенком, но до сих пор, поднимаясь по трапу на борт самолета, он испытывал жгучее, непреодолимое желание шагнуть обратно на раскаленную землю.

Наверно, потому он не спешил следовать совету Ангура и сейчас. Переступить через себя и бросать дела ради голоса какой-то там девчки виделось ему глупым и опрометчивым. Правда у судьбы, как и всегда, были свои планы на этот счет.

Уже тысячу раз пожалел Адам о своем решении. Инкогнито, без должного сопровождения и, черт побери, в обычной европейской одежде ступить на стильную землю Исландии было непростительной ошибкой. И сейчас насквозь продрогший от промозглого ветра и непрекращающегося дождя Адам понимал это, как никогда раньше. Он стоял возле здания аэропорта совершенно один и пытался разглядеть среди кучи хаотично припаркованных автомобилей машину Ангура. Только все зря. Проклиная его род до седьмого колена, Адам, как мог, кутался в тонкий тренч, совершенно не подходящий для подобной погоды, и недоумевал, как у проходящих мимо него людей хватало сил улыбаться и совершенно не обращать внимания на омерзительную сырость и холод. Он прикрыл глаза и невольно вспомнил разговор с Саидом, заставивший его передумать и прилететь на край света.

– Ясин, а ты что скажешь?

Черные глаза Саида шальные, распутные, пустые, казалось, безотрывно следили за каждым вздохом Адама. Мужчины сидели в саду возле сирдаба – небольшого бассейна с проточной водой. Укрывшись от полуденного зноя в тени ветвистых деревьев, совершенно праздно и бесцельно они распивали крепкий кофе с ароматом кардамона и вели беседы на отвлеченные темы. В Наджах после бессонной и беспокойной ночи Адам приехал еще ранним утром, но найти для него время Саид удосужился только к обеду.

– Ты знаешь мое отношение к Джадиру, Саид, – уверенно ответил Адам. – Глупо полагать, что сын его стал более достойным, чем когда-либо был он сам.

– Джадир поплатился за все сполна. Кроме того, Ясин, разве дети должны отвечать за грехи отцов?

– Все в мире относительно, Саид. Если бы отец Маджида просто оступился, это одно, – Адам внимательно посмотрел на правителя. – Неужели ты все забыл?

Ныне покойный шейх Джадир Абу Маджид Бин Султан Аль–Карог когда-то давно плел интриги против рода Аль-Наджах и тайно мечтал занять престол. Он был уверен, что тот по праву принадлежал ему и лишь по чистой случайности ускользнул из его цепких рук. Тогда, двадцать лет назад, он рассчитал все, но его планам помешал безумно влюбленный и отчаявшийся Саид, который, наплевав на волю отца, в ту роковую ночь сбежал из дворца и покинул страну в поисках своей неверной жены. Джадир стер с лица земли всех, кто так или иначе принадлежал к роду Аль-Наджах, лишив страну правителя, а людей надежды. Однако, вернувшийся в Дезираю Саид спутал ему все карты.

Так и не добравшись до престола, Джадир был казнен, как и все те, кто был причастен к страшному преступлению. А его сына, двухлетнего Маджида, Саид оставил при дворце и воспитал, как своего, внушив ему непреодолимое отвращение к поступку отца. Так было заведено в этих местах.

– Никогда не забуду, Ясин. Такое ни забыть, ни простить нельзя, – Саид отодвинул чашку и устремил свой взгляд в сторону воды. – Я надеялся, что Маджид останется в Штатах после учебы, но он вернулся и готов служить мне верой и правдой. Пусть так, Ясин. Значит, на то воля Аллаха.

С жалостью посмотрел на Саида Адам. С неприкрытой и острой. Одно дело – держать подле себя ребенка, и другое – умного, расчетливого и мстительного молодого человека. Но спорить с Саидом не стал. Знал, что бесполезно...

Адам всегда с опаской и недоверием относился к Маджиду. И если Саид видел в глазах юноши преданность и благодарность, то Адам ждал с его стороны предательства. Вот только до сих пор не мог предугадать, когда и как Маджид решится на месть. А в том, что тот решится, у молодого эмира провинции Ваха сомнений не возникало...

– И у тебя я прошу немного, – продолжил Саид. – Пусть с месяц Маджид побудет с тобой. Мне сейчас не до него, Ясин. Дел много, да и народ лютует. Не хочу я масла в огонь подливать. А ты, в конце концов, разберешься с бедуинами на востоке Блароха. Уверен, вдвоем будет проще.

Как не вовремя свалился этот Маджид на голову Адама! Выполнить волю Саида и забрать младшего Аль-Карога на свои земли он не мог. Не хотел! Чувствовал, что тем самым навлечет новые беды на свой народ. Но и отказать эмиру не знал как.

– Алия, глядя на брата, тоже мечтает уехать учиться, – задумчиво произнес Саид, словно намекая, что у Адама не было выбора: откажи он принять у себя Маджида и не видеть ему свадьбы с Алией еще несколько долгих лет.

– Он ей не брат, Саид! И никогда не был! – не сдержался Адам, чуть не пролив горячий напиток.

– По крови не брат, твоя правда, Ясин! Но ты же знаешь, что вы оба для меня, как сыновья, которых Аллах не дал мне, – слащаво пропел Саид. – Так что, каково твое решение?

– Пусть будет по-твоему! – согласился Адам, понимая, что пожалеет о своем выборе. Сильно пожалеет! Но именно в этот момент он вспомнил про разговор с Ангуром. – Я как раз по делам уезжаю в Европу. Возьму его с собой, может и польза от него какая будет.

– В Европу? – удивился Саид. – Проблемы? Ангур не справился?

– Да, – коротко ответил Адам, чтобы не углубляться в детали. – Завтра вылетаю в Лиссабон. Маджид может поехать со мной.

Рассказывать Саиду про Исландию – заведомо испортить сюрприз, поэтому молодой человек упомянул столицу Португалии, где располагался головной офис его компании.

– Не стоит, Ясин, не стоит, – Саид потер тыльной стороной ладони подбородок и обеспокоенно добавил:

– Решай свои проблемы и возвращайся! Совесть мне не позволит взваливать на тебя еще и Маджида.

На том и закончив трапезу, мужчины распрощались: Саид отправился в свои покои отдыхать, а Адам, еще немного погуляв по саду в надежде случайно встретить Алию, уехал к себе.

Поездка в Лиссабон теперь была делом решенным и безотлагательным, хотя и совершенно ненужным.

– Что ж, – прошептал Адам себе под нос, понимая, что посетив офис для отвода глаз, он отправится дальше. Туда, где солнце лишь изредка согревало землю, а дожди смачно увлажняли ее поверхность. Туда, где из-под земли вырывались неуправляемые потоки огненной воды, а огромные ледники не таяли даже в июне. – Сама судьба ведет меня к тебе, загадочная и дерзкая Энн, дочь Ларуса Хаканссона. Надеюсь, Ангур не обманул, и ты сможешь удивить меня.

– Ты, видно, смерти моей хочешь, – вынырнув из воспоминаний, прокричал Адам, заметив вдалеке мощную фигуру Ангура. Тот шел неспешно и явно в душе посмеивался над замерзшим и вымокшим другом.

– Не сердись, Адам! Сам видишь, местные ездят на своих автомобилях, словно на ишаках: медленно и хаотично. Пойдем, я забронировал тебе номер.

– Нет, – отрезал Адам. – Мы едем к Хаканссону прямо сейчас.

– Во-первых, не мы, а ты. Если, конечно, не хочешь, чтобы при виде меня Ларус аннулировал сделку. А во-вторых, ты себя видел? – Ангур с усмешкой окинул друга взглядом с головы до ног. – Что в Лиссабоне ничего потеплее купить не удалось?

– Ангур, – прошипел Адам, – мне нужна машина. Сейчас. Я не намерен задерживаться в этом убогом месте дольше, чем требуется: взгляну на коня, на девчонку и уеду.

Ангур промолчал, лишь слегка улыбнувшись уголками губ, отчего его лицо исказилось в нелепой гримасе. Но автомобиль для Адама нашел.

Дорога до места заняла около двух часов. Дикие, но завораживающие пейзажи, проносящиеся мимо, кружили Адаму голову. В этой жизни он повидал многое и был уверен, что ничто уже не способно удивить его. Сейчас он понимал, что вновь ошибся. И открытие это его немного печалило. Слишком уж часто в последнее время он стал ошибаться.

К дому Ларуса Хаканссона Адам прибыл под ужин, правда, что не могло не показаться ему странным, вечер в этих местах наступал лишь по часам, на улице же было все так же светло, как и днем.

Оглядываясь по сторонам, он уверенным шагом прошел к дому, который казался совершенно обычным на фоне всего остального. Еще будучи в Дезирии, он рассматривал в интернете фотографии Исландии и представлял, как окажется в загадочном поселении, сплошь и рядом состоявшим из каменных приземистых домиков с крышами покрытыми дерном. Но прямо перед носом у Адама находился самый обычный двухэтажный дом светло-желтого цвета. Чуть поодаль виднелся загон для лошадей и конюшни, а еще ото всюду доносилось блеяние овец.

Ларуса о своем визите Адам не предупредил: хотел увидеть все так, как есть, а не вылизанные картинки, подготовленные к его приезду. Звонок. Пара секунд ожидания. Отчего-то в голове пробежала надежда, что откроет ему та самая Энн и сразу разрешит все его терзания. Но мечты пришлось попридержать, поскольку на пороге появился жилистый высокий парень лет семнадцати. Темноволосый, чернобровый с тяжёлым, каким-то не по-детски взрослым взглядом.

– Хало!¹– пробасил тот, совершенно не меняясь в лице при виде Адама. – Хэр эрту?²

Парень не выглядел дружелюбным и с первых секунд вызвал в Адаме легкое раздражение.

– Добрый вечер, меня зовут Адам Ваха, – переборов свое неприятие, Адам натянул дежурную улыбку и представился на беглом английском. – Я бы хотел увидеть Ларуса Хаканссона.

Лицо парня моментально исказила гримаса. Неприятная, злобная, презрительная... Он смотрел на Адама так, как смотрели на него бедуины Блароха, которых то и дело приходилось эмиру сгонять с насиженных мест, за что те люто его ненавидели.

Спустя несколько секунд молодой человек все же впустил незнакомца на порог, указав грубым жестом в сторону гостиной.

Дом Хаканссона сильно отличался от привычных его взору личных апартаментов. Скромный, тесный, заставленный какими-то вещами и кучей обуви на полу. Совершенно безвкусный и аляповатый, хотя и весьма чистый. На мгновение прикрыв глаза, он снова отругал себя за поспешность в решении приехать сюда. Очередная ошибка.

Не успел Адам сделать и пары шагов в сторону гостиной, как навстречу ему выбежал мальчишка лет пяти-шести с задорной улыбкой и любопытными глазками. Он был маленькой копией нелюдимого парня, открывшего дверь, правда, в улучшенной версии, и стоило ему увидеть Адама, как он тут же улыбнулся еще шире и что-то громко закричал на своем совершенно непонятном и несколько неприятном для гостя языке. Следом за мальчишкой в узком коридорчике показались еще люди: невысокая женщина с длинными темными волосами, забран-

ными в низкий хвост, еще один мальчуган лет двенадцати и высокий, поджарый мужчина с грозным, как у юноши на входе, взглядом.

– Хало, хало, хало, – послышалось со всех сторон и во всех тональностях, вызывая у Адама неумолимое желание заткнуть уши и бежать из этого бедлама.

– Это Адам Ваха, собственной персоной. Приехал за конем, судя по всему, – грубоватым голосом заявил рослый парень и, растолкнув младших плечами, удалился из виду.

– Оу, Адам, добрый вечер! – засуетился мужчина. – Я Ларус. Это моя жена Арна и наши дети. Проходите, проходите! Что же вы не сообщили, что прибудете так скоро? Вроде в договоре срок прописан на сентябрь?

– Я оказался здесь совершенно случайно, проездом, и не мог упустить возможности вживую посмотреть на жеребца.

– Конечно, конечно. Я же не против, просто мы бы вас встретили. Проходите, мы как раз собираемся ужинать и будем счастливы, если и вы присоединитесь к нам.

– С удовольствием.

– Отлично. Арна, милая, накрывай на стол. А мы, Адам, давайте сразу прогуляемся до конюшни. Уверен, вам не терпится взглянуть на Странника.

На самом деле Адаму не терпелось взглянуть на дерзкую дочь Хаканссона, но он решил набраться терпения и посмотреть на нее за ужином.

– Вот наш Странник! Красавчик, чего греха таить. Шикарный жеребец, хоть и с характером, – важно заметил Ларус, указывая на скакуна.

Конюшня Хакансона разительно отличалась от подобных у Саида. Нет, сделано все было на совесть, кругом царил порядок, однако, простота и незамысловатость сквозили из всех щелей. Но стоило Адаму взглянуть на жеребца, как скромность постройки моментально отошла на задний план. Коренастый, горделивый, с развитой мускулатурой и крепкой конституцией тела Странник недоверчиво смотрел перед собой, раздувая ноздри и прижимая небольшие уши. Песочного цвета тело лошади украшала пышная белоснежная грива. Соловая масть коня делала его уникальным и один в один похожим на погибшего жеребца Саида. Да, Адам не прогадал, потратив столько сил и средств на приобретение именно этого коня.

При виде мужчин конь заметно оживился и всем своим видом давал понять, что не был настроен к общению.

– Да, Адам, непростого коня вы приобрели. К нему нужен подход. Вы надолго в наши края?

– На несколько дней, не больше.

– Отлично! Оставайтесь у нас, Адам. Дом большой, места хватит всем. А Хинрик поможет вам найти общий язык с животным.

Стоило Ларусу произнести имя парня, как конь на мгновение успокоился и затих.

– Хинрик ваш сын?– поинтересовался Адам, всецело поглощенный наблюдением за жеребцом.

– Да, старший. Петер средний, а Оскар младший.

– Три сына? Вам очень повезло, – заключил мужчина и осмелился протянуть коню руку. Тот же моментально отреагировал: сначала предупредительно зафыркал и отвел голову в сторону, но, заметив, что незнакомец продолжал упорно тянуться к нему и внимательно смотреть, забил копытом и попытался встать на дыбы. Благо Ларус тут же среагировал, что-то крикнув на своем ломанном языке.

– Да, вы правы, – отойдя на пару шагов от коня, ответил Ларус. – Еще есть дочь, но она здесь больше не живет

– Отчего же?– равнодушно спросил Адам, внутри ощущая неприятный осадок от услышанного.

– Уехала учиться. Энн, кстати, ладила со Странником лучше всех. А как она переживала за него... Успокоилась, только когда узнала, что вы не будете спешить с перевозкой жеребца. Или ваши планы изменились?

– Нет, наш договор в силе.

– Замечательно. Давайте вернемся в дом. Думаю, Арна уже подала ужин.

Мужчины покинули конюшню и направились к дому. Дорога была недолгой, но прошла в тишине. Адам понимал тщетность своего визита, а Ларуса не покидало дурное предчувствие. Но стоило им зайти в дом, как тут же их мыслям было задано новое направление. Навстречу мужчинам выбежал мальчишка— средний сын Ларуса Петер.

– Папа, папа, Хинрик схватил рюкзак и убежал, он сказал...– заметив Адама, мальчишка осекся и замялся. – Короче, он ушел из дома.

– Ничего, Петер, пусть остынет немного. Вернется, – Ларус старался казаться спокойным и уверенным в своих словах, но по сжатым в кулак ладоням Адам сразу понял, что тот не на шутку был взволнован.

– Будет лучше, если я вернусь в город, – предложил Адам. Его миссия в этом доме была завершена.

– Уже поздно, – без спроса вмешалась в разговор Арна, – оставайтесь! Я подготовила для вас комнату. Не обращайтесь внимание на Хинрика. В последнее время он сам не свой. Немного успокоится и вернется.

Вот только парень не вернулся ни к ужину, ни парой часов позже. Ларус и Арна изрядно переживали, хотя и пытались не показывать гостю своего излишнего волнения. И лишь, когда в двенадцатом часу ночи раздался телефонный звонок, родители парня немного успокоились.

– Энн звонила, – обратился Ларус к жене, а Адам сидевший в это время в гостиной невольно замер. Главная цель его визита была так близко и так далеко от него.– Хинрик у нее, не волнуйся. Завтра она обещала привезти его домой.

" Завтра", – прошептал про себя Адам и удалился в отведенную ему комнату.

---

¹ – Здравствуй! (исланд.)

² – Вы кто? (исланд.)

6. Это он

Рейкьявик.

– Все? Уже?– заметив, что Энн вышла из своей комнаты, Хилдер заёрзала на диване в нетерпении выведать подробности. – Что он сказал? Это его номер вообще? А голос? Какой он? Такой же шикарный, как и он сам? Энн! Ну, не молчи!

– Боже, Хил, успокойся!– Энни подошла к девчонке чуть ближе и потянула за кончик ее большого пальца, вытаскивая тот изо рта.– Это не твоя привычка!

– Энн! – проворчала та. – Ты издеваешься? Рассказывай! А то я подумаю, что зря напрягла Хельгу. Ты же знаешь эту мелкую пиранью: сестренка мне еще не раз припомнит, как рылась в ноутбук отца. Давай, Энн! Я жажду деталей!

– Да нечего рассказывать, – Энн плюхнулась рядом с подругой на диван и, подогнув ноги под себя, развернулась в ее сторону. – Он не особо меня слушал. Сначала что-то говорил на своем языке. А когда до него дошло, что я не понимаю, перешел на английский, холодно отрезал, что в моих услугах не нуждается и сбросил вызов.

– И все?– искренне недоумевала Хилдер.– Хотя неудивительно! Для такого мужчины, как Адам Ваха, мы с тобой словно надоедливые, назойливые мухи. Представляешь, сколько красоток со всего мира также названивает ему каждый день?!

– Хил, я не названивала, – возмутилась Энн.– У меня к нему было дело! И вообще...

– Вот, Энни, у тебя было дело!– перебила Хилдер.– Удивительный предлог попытаться обратить на себя внимание такого мужчины! А ты...

– Какого такого, Хил?– от души рассмеялась девчонка.– Ты же его видела лишь на фотографии. Да и то неизвестно, какой оно давности. Возможно, он в отцы тебе годится! Да и, наверняка, он давно женат и имеет кучу детей.

– Эх, Энн! А помечтать? – наигранно простонала подруга.– Ладно. Видимо, не судьба!

Девчонки рассмеялись и попытались сменить тему разговора: обсудили планы на ближайшие выходные, выбрали, чем будут ужинать сегодня, и даже обсудили поведение Хинрика. Но в глубине души каждая из них переживала свое столкновение с Адамом Ваха. Хилдер все никак не могла выбросить из головы образ статного черноволосого мужчины с выразитель-

ными, даже зачаровывающими глазами и правильными, хоть и немного грубоватыми, чертами лица. А Энн прокручивала в голове его слова и сожалела, что не смогла достучаться до его сердца, чтобы облегчить участь Странника.

Правда через пару дней головы девчонок были заняты уже совершенно другими мыслями.

Жизнь в городе имела свои преимущества. Постоянные прогулки, интересные места, новые знакомства и, главное, абсолютная свобода и самостоятельность озаряли дни новыми красками, а вечера ярким общением.

– Энни, помнишь, Олафа? – расплываясь в улыбке, спросила Хилдер. В одной руке она держала бумажный стаканчик с кофе, а другой приобнимала за плечо высокого, слегка кучерявого парнишку.

Субботний вечер девочки решили провести в небольшой кофейне в паре кварталов от дома. Удобно устроившись у самого окна, Хил много болтала, вспоминая смешные и нелепые истории из школьной жизни. Энн же, порядком подустав, ласково смотрела на подругу, потягивая ароматный напиток и изредка кивая. Когда кофе в их стаканчиках закончился в очередной раз, Хилдер унеслась за добавкой, а вернулась в компании незнакомца.

– Ну же, Энн, вы с Олафом еще сидели вместе на математике, – не унималась девушка и, бросив на парня оценивающий взгляд, добавила:

– А ты похорошел с тех пор.

Олаф расплылся в широченной улыбке и протянул Энн руку для приветствия:

– Нам было лет семь, Энн. Не переживай, Хилдер я тоже не сразу узнал.

И тут Энн вспомнила своего соседа по парте, который проучился в их с Хилдер школе от силы пару лет, а потом исчез.

– Привет, Олаф! – улыбнулась она и, указав на свободное место рядом, предложила молодому человеку присоединиться к ним.

– Вот это встреча! – устроившись поближе к парню, проворковала Хилдер.

– Ты вроде переехал тогда, верно?– спросила Энн скорее из вежливости. Усталость давала о себе знать и не располагала к общению с другом детства, если вообще можно было приравнять Олафа к таковому.

– Да, дед выкупил ферму недалеко от Хусавика и мы перебрались туда. Энн, не пове-
ришь, я буквально несколько дней назад вспоминал о тебе. Отец пытался выкупить вашего
строптивого жеребца, но не потянул. Ты была на выставке?

– Нет, – настроение и без того не самое веселое, от упоминания о Страннике опустилось
до нулевой отметки.

– Я так и понял, – ничего не замечая вокруг себя, громко отозвался Олаф.– Зато я Хин-
рика видел. Вот уж кого не узнать! Я же его совсем маленьким помнил. Вот кто точно изме-
нился!

– Так и ты немного подрос, – с иронией в голосе подметила Энн, но парень совершенно
не уловил шутки.

– Знаете, я в своей школе был в сборной по гандболу. У меня неплохо получалось играть.
Вот сейчас и в университете планирую попасть в команду. А ты, Хил, чем увлекаешься?

Откровенно утомившись от компании Олафа, Энн пыталась уловить взгляд Хил, но та
упорно смотрела на парня, слушая его с открытым ртом.

– Я вас оставлю на минутку, – произнесла она и оба машинально кивнули, ясно давая
понять, чтобы их не отвлекали по разной ерунде.

Энн протиснулась между ребятами и поспешила к выходу. Похоже, этим вечером ей
предстояло идти домой одной, а, возможно, и ночевать тоже.

Хилдер, хоть и была до безумия влюблена в Хинрика, никогда не лишала себя возмож-
ности весело провести время в компании других ребят. Это только с братом Энн Хил краснела
и терялась в словах, в общении же с другими парнями она была активной и свободной.

Скинув подруге сообщение, чтобы та не волновалась, Энн неспешно пошла в сторону
дома, наслаждаясь атмосферой вечернего города.

Квартира, которую снимали подружки, находилась на первом этаже трехэтажного небольшого домика и имела отдельный вход. Именно возле него Энн и заметила неожиданного гостя, явно не первый час ожидавшего возвращения девчонок.

– Вот, значит, зачем ты переехала? Чтобы гулять день и ночь?– даже не поздоровавшись, начал Хинрик.

– Привет, Хинрик, – улыбнулась брату Энн и, отворив дверь, пригласила того войти.

– Я к тебе не в гости приехал! – не сдвинувшись с места, пробормотал парень.

– Тогда что ты делаешь здесь?

– Хотел тебе сообщить, что новый хозяин коня объявился. Видите ли захотел принорочиться к его характеру, прежде чем увезти.

На лице Энн невольно промелькнула улыбка: она ошиблась в Адаме Ваха. И это не могло не радовать беспокойное сердце девушки. Хинрик же, не замечая изменений в сестре, тут же продолжил:

– Отец поселил его в нашем доме! А я убежал. Не могу я с этим за одним столом сидеть и улыбаться ему притворно. Тошнит! Пустишь к вам на пару дней?

– А как же отец? Накажет же!

– Опять боишься? – сквозь зубы процедил Хинрик.

– Нет,– неуверенно ответила Энн, но брату все-таки разрешила остаться.– Пару дней поживешь в гостинной. А потом, Хинрик, вернешься домой. И отцу обязательно сообщим, что ты здесь, а то они с матерью с ума сойдут.

Ничего не ответил Хинрик, лишь смерил недобрым взглядом сестру и зашел в дом

– Ты голоден?– заглянув в холодильник, поинтересовалась у брата Энн.

– Есть немного, – пробурчал Хинрик, жадно разглядывая квартиру.– Уютно у вас тут. Где Хилдер?

– Встретила старого знакомого. Может помнишь Олафа? – Энн достала сыр, паштет и хлеб.– Могу сделать сэндвич, как мама любит.

– Годится, – согласился парень.– Олаф – придурок! Зря ты оставила Хил с ним одну.

– Не поверишь, но она уже большая девочка, пусть сама решает, – намазывая паштет, пробормотала Энн.– Да и не все же ей ждать, когда ты повзрослеешь. Мне кажется, она устала от твоих перепадов настроения.

– Не велика потеря, – зло промычал парень и, засучив рукава толстовки, принялся помогать сестре.

– Надо отцу позвонить, – робко произнесла та, ожидая, что парень опять сорвется на грубость.

– Надо, – кивнул Хинрик, постепенно понимая, что поступил опрометчиво.– Перекусим и наберем его.

В этот вечер наедине друг с другом ребятам наконец удалось нормально поговорить. Хинрик старался не срываться на сестре, Энн – не подкалывать его на каждом шагу. В какой-то момент ей показалось, что именно этого ему и не хватало все это время: простого человеческого общения. Вспыльчивый, порой грубый и неотесанный Хинрик чувствовал себя одиноким и ненужным. В их огромной семье по сути не было никого, кому были бы интересны его переживания, мысли, а порой и страхи. Ларус – строгий и не приемлющий отступлений от правил, никогда не пытался разговаривать с детьми по душам. Арна зачастую в заботах о младших детях не успевала уделить такого нужного внимания старшим. И если у Энн была Хилдер, готовая в любую минуту поддержать и выслушать, то у Хинрика – никого... Его единственным другом, как ни странно, был конь. И сейчас по воле отца он терял и его.

– Вот зачем этот Ваха приехал? Зачем оставил Странника у нас? – откусив бутерброд, возмутился Хинрик.– Купил – все: забирай и увози! Но нет, этому придурку доставляет удовольствие всех нас мучать!

– Отец сказал, что в Португалии сейчас очень жарко, – бережно скользя по брату взглядом, попыталась объяснить Энн.– Потому и решили до осени его у нас оставить.

– Это понятно, Энн, – смахнув с губ крошки и откинувшись на спинку стула, вздохнул парень. – Я просто боюсь, что не смогу отпустить Странника, когда придет время.

– Ну, знаешь, нас с тобой не спросят. Тем более сделка уже состоялась. Ни ты, ни я не сможем ничего изменить. Хотя нет, – Энн подняла палец в воздух, как будто ее рыжую голову посетила гениальная мысль, – мы можем помочь Страннику привыкнуть к новой жизни и к новому хозяину. Зря ты уехал, надо было поделиться с ним рекомендациями.

– Успею, – фыркнул Хинрик. Он прекрасно понимал, что Энн говорила дельные вещи. Просто внутри все еще больно и отчаянно царапало. – Ваха еще у нас. Сам слышал, как отец предложил ему остаться на несколько дней.

– Я думала, что ты пошутил, говоря об этом.

– Если бы, – вздохнул парень. – Мать постелила ему в комнате деда.

– Не могу представить алмазного короля в скромной комнатухе три на три метра, – не смогла сдержать улыбки Энн.

– Ничего, пусть помучается, – ухмыльнулся Хинрик в ответ.

Момент прервал скрип двери и Хилдер, вернувшаяся домой. Снимая в прихожей ветровку и обувь, она сходу начала делиться с Энн подробностями своей встречи с Олафом, не замечая присутствия Хинрика.

– Чумазные уши тролля! – с порога закричала она. – Энн! Этот Олаф настоящий придурок! Ты представляешь, он...

– А я сразу сказал, что этот парень не стоит и минуты внимания, – не дав Хилдер больше вымолвить ни слова, Хинрик выглянул в прихожую, заставив девчонку окаменеть от неожиданности. – Это ты вечно ведёшься на смазливое личико, а он как был отморозком в детстве, так им и остался. Люди не меняются, Хил.

– Энн, а что в нашей квартире делает твой несносный брат? – прошипела девушка, при этом моментально заливаясь краской.

– О, Хил, – выглянув следом за братом, приветливо кивнула Энн. – Так получилось. Ребят, я вас оставляю – надо родителей успокоить. А вы постарайтесь минут десять мирно пообщаться.

– Вот еще, – фыркнула Хил, задрав свой курносый носик. – Я с ним вообще разговаривать не собираюсь. И тебе, Энн, не советую. Пусть сам себе гадости говорит.

– Хил, – по-доброму осекла ее Энн, – не стоит.

Сейчас, глядя на осунувшегося вмиг брата, только сильнее убедилась она в правильности своих недавних суждений. Подмигнув ему и шепнув Хил сбавить обороты, Энн взяла телефон и отправилась в свою комнату, чтобы найти верные слова для отца и максимально обезопасить брата от его гнева.

Разговор с отцом получился весьма странным. Тот не кричал, не срывался, не угрожал. Просто слушал, как Энн пыталась выгородить брата, а после и вовсе разрешил вернуться вместе с ним домой на пару дней. Что заставило Ларуса быть деликатным в общении с дочерью, Энн не знала наверняка, но могла предположить: скорее всего мужчина был не один. И этот кто-то рядом явно не мама, и даже не Кристоф.

Адам Ваха.

Именно его присутствие и желание Ларуса пустить пыль в глаза спасли Хинрика от неминуемой беды.

Что ж! Раз так, Энн решила простить этому напыщенному индюку его недавнюю грубость в общении с ней.

Еще долго сидела она в своей маленькой комнате фисташкового цвета, обдумывая поведение отца, свою возможность повидать маму и братьев и, конечно, предстоящую встречу с алмазным королем.

Когда Энн решила выйти в гостиную, Хил уже ушла к себе, а Хинрик спал на диване, свернувшись клубочком. Укрыв брата пледом, она ласково провела рукой по его жестким и непослушным волосам. Отчего-то в ее беспокойном сердечке пронеслось подозрение, что таким умиротворенным и домашним видеть парня ей осталось недолго.

Вытряхнув печальное наваждение из головы, Энн тоже отправилась спать. Но в отличие от ребят, сколько бы ни крутилась в кровати, ни пыталась погрузиться в желанный сон, ничего не выходило. Только ближе к утру ее сознание провалилось в бездну беспокойных и тревожных сновидений.

Яркими вспышками перед глазами проносились образы жутких , разъяренных мужчин, одетых как недавний гость отца, женщин с закрытыми лицами и печальными глазами, караваны уставших верблюдов и бескрайние мили раскаленного песка. И этот голос будто за кадром нараспев : " Таба. Таба. Таба..."

Конечно, Энн проснулась совершенно не отдохнувшей, с тяжелой свинцовой головой. Обрывки сна то и дело вспыхивали в памяти, мешая как следует подготовиться к отъезду. Да еще и Хил, которая с самого утра суетилась и прихорашивалась то ли для того, чтобы позлить Хинрика, то ли , чтобы покорить сердце алмазного короля.

Наспех перекусив, ребята вызвали к дому такси и все дружно отправились в родные края. Хинрик уселся впереди, уступив место на заднем сидении девочкам, и молча смотрел в окно. Ему предстоял непростой разговор с родителями, даже несмотря на сдержанную реакцию отца. Энн тоже не была настроена на болтовню. И только Хилдер, как заведенная, вертелась и все время пыталась разговорить подругу. Не воспользоваться случаем съездить домой, да еще и воочию увидеть португальского миллионера, конечно, она не смогла. Поэтому сейчас вместе с друзьями все ближе и ближе подъезжала к дому.

– Я отцу сказала, что сразу к вам пойду. Он не против. Сегодня у Хельги игра в школе, им все равно не до меня. Энни, мне так не терпится его увидеть, – без умолку тараторила Хил, от предвкушения встречи с алмазным королем напрочь позабывшая о стеснении рядом с Хинриком.

Энн лишь крепче сжала ее ладонь в своей и больше не отпускала до окончания поездки.

Стоило автомобилю притормозить возле дома Ларуса, как все трое тут же заметили его самого. Он стоял неподалеку, явно ожидая прибытия детей.

– Хинрик, – позвала Энн, заметив как сильно напряглись мышцы на шее брата и заострились черты его лица. – Не давай себя в обиду, ладно?

– За себя переживай, – как обычно огрызнулся парень и резко покинул салон автомобиля, не оборачиваясь, быстрым шагом направляясь к отцу.

– Пойдем, – прошептала Хил, нервно перебирая пальцы подруги. – Не волнуйся за Хинрика. Этот не пропадет. Вон какой вымахал.

Не размыкая ладоней, девочки выбрались на свежий воздух. Такой родной, чистый, с ароматами трав и морского бриза. Даже двигаясь в сторону дома, Энн продолжала неотрывно

следить за отцом и братом, которые в этот самый момент говорили на повышенных тонах, пока не ощутила толчок в бок. Обернувшись в сторону удара, она заметила потерянный и замороженный взгляд подруги, устремленный чуть выше, в направлении окон на втором этаже дома. Проследив за ним, взор Энн натолкнулся на крепкую мощную фигуру мужчины, стоявшего у окна и с диким, каким-то нездоровым интересом наблюдавшего за ними.

– Это он, – едва слышно произнесла Хил. – Боже мой, в жизни он еще симпатичнее!

Энн.

Взгляд мужчины прожигал насквозь. Монотонный. Тяжелый. Испепеляющий. Издалека казалось, что он и вовсе не дышал, сконцентрировав всю энергию, всю силу свою во взгляде, в котором смешались и крайняя степень удивления, и сумасшедший интерес, и открытое непонимание.

Нет, Адам не смотрел на Энн, он пожирал ее глазами, с неистовой жадностью впитывая каждую черту, каждое мимолетное движение, каждый взволнованный вдох. А она волновалась. Боже, как же она волновалась, кожей ощущая его пристальный взгляд, который обжигал похлеще кипятка и путал в голове все мысли.

– Странный, – прошептала Энн, невольно сжимая руку подруги. – Чего он так смотрит?

– Может одна из нас ему приглянулась, – улыбаясь кокетливо незнакомцу, с легкостью прощептала Хилдер. Она, не стесняясь разглядывала незнакомого мужчину, которого до этого видела только на снимках из интернета. И то, что она видела, кружило ей голову. Еще один взгляд: томный, заигрывающий, зовущий. Вот только ответной реакции, именно той, на которую рассчитывала Хилдер, конечно же, не последовало. Напротив, ощутив на себе откровенное внимание незнакомой девушки мужчина скривился в отвращении.

– Этих миллионеров не поймешь, – фыркнула девчонка и разочарованно отвела взгляд.

– Энни, – раздался звонкий голос Оскара, выбежавшего из дома навстречу сестре. – Ты приехала! А Хинрика привезла?

Присев, Энн крепко обняла младшего брата, поглаживая того по спине. Еще ни разу они не расставались надолго, и сейчас, прижимая к себе Оскара, Энн в мгновение позабыла о незнакомце и ощутила небывалую радость встречи с родным человечком.

– Привезла, Оси! Мне кажется или ты подрост, пока меня не было?– шутливо спросила мальчишку, а тот тут же выпрямился в ее руках и гордо ответил:

– Ты заметила? Мама тоже так говорит.

– Привет, как добрались?– раздался голос Петера. Он стоял в паре шагов от ребят, сложив руки в карманы спортивных брюк, и широко улыбался. Обниматься с сестрой при всех в свои двенадцать было неловко. И все же его любовь к сестре читалась в каждом жесте и сквозила в каждом слове. Он тоже скучал. Для него подобная разлука также была впервые.

– Отлично!– резко ответила Хил, меняя вектор беседы в интересующее ее русло. – У вас гости?

– Да, Адам Ваха, – подтвердил мальчишка.– Тот, который Странника купил.

– Он страшный! Похож на чудовище!– запищал Оскар, выпуская сестру из хрупких объятий.

– Да ладно тебе, Ос! – отмахнулся Петер.– Ничего он не страшный, просто немного грубый и молчаливый.

– Нет, Петер, – оторвавшись от сестры, мальчонка состроил серьезную рожицу и с важным видом заявил:

– Он похож на злодея! Мне папа читал про такого книжку. Вот увидишь, он украдет нашу Энн, как принцессу из замка.

Ребята дружно рассмеялись над словами Оскара. Петер потрепал того по голове, Хил немного насупила, что злодей украдет не ее, а Энн от души улыбнулась брату и всего на мгновение перевела взгляд в сторону окна. Она была уверена, что незнакомец давно ушел и перестал пристально следить за ними. Но Энн ошиблась: мужчина не сдвинулся со своего места и, как заколдованный, продолжал смотреть в одну точку. И этой точкой, к большому неудовольствию Хил, была Энн.

В другой раз Энни обязательно бы смутилась. Она не привыкла к мужскому вниманию и в отличии от подружки всегда терялась, ощущая на себе заинтересованный взгляд того или иного парня. Но сейчас ей хотелось казаться смелой и уверенной. Да и расстояние, разделяющие их, притупляло чувство стыда и собственной неуверенности. Бросив на мужчину открытый и приветливый взгляд, Энн попыталась чуть лучше его разглядеть. Но блики стекла и постоян-

ные вопросы братьев, сейчас так незаметно пролетающие мимо ушей, никак не давали сложить в голове его законченный образ.

– Энни, Хил, рад, что вы приехали, – командирский голос Ларуса раздался за спиной, заставляя Энн вздрогнуть и вернуться в реальность.– Арна замариновала лосося к обеду, давайте в дом!

Дружной и оживленной оравой они преодолели небольшое расстояние до дома и не менее шумно все вместе зашли внутрь. С кухни доносился аппетитный аромат жаркого, и стоило Энн повернуть свой любопытный нос на запах фирменного блюда Арны, как тут же она заметила его.

Адам Ваха медленно и грациозно спускался по лестнице. Он был похож на хищника, приметившего для себя жертву и ожидавшего подходящего момента для броска. Не стоит и говорить, кого он выбрал в качестве будущей добычи.

Высокий, с горделивой осанкой Адам и правда был хорош собой. Прямой нос, живой взгляд, крепкие, слегка угловатые скулы в купе с густыми темными волосами создавали незнакомцу образ модели с обложки глянцевого журнала. Красавчик, чего греха таить. Он сильно выделялся на фоне привычных и непримечательных молодых людей, с которыми так или иначе сводила жизнь Энни.

– Отомри, сестренка, – раздался над ухом насмешливый голос Хинрика и Энн моментально опустила взгляд, ощущая, как краска разлилась по ее лицу.

– Не будь душой, Энни, – продолжал нашептывать парень. – Такие как он, никогда не обращают внимание на таких, как ты.

От неловкости момента девушка готова была сгореть со стыда. Как можно быстрее, она стянула с себя кроссовки, сбросила ветровку и практически бегом помчалась в свою комнату. К счастью та находилась на первом этаже в противоположной от лестницы стороне.

– Энни, – остановил ее голос отца.– Куда это ты так спешишь? Подойди ко мне, дочка.

Спорить с отцом было глупо, а не повиноваться чревато последствиями. Поэтому девушка тут же остановилась и, собравшись с силами, вернулась к отцу.

– Адам, – с деланным дружелюбием произнес по-английски Ларус, – познакомьтесь с моей старшей дочерью Энн. Я рассказывал вам про нее вчера.

Сжав кулачки, Энн решительно оторвалась от созерцания пола и уверенно посмотрела на гостя. Серые, бездонные, пустые, словно выжженные дотла, пепельные глаза мужчины пронзили ее насквозь своим взглядом. Если бы только раньше она послушала Хилдер и заведомо взглянула на фотографию покупателя, сейчас ее потрясение не казалось бы таким ярким и понятным для всех.

Глаза в глаза. Душу в душу. И никто из двоих не хотел уступать.

– Энни, – прервал зрительный поединок Ларус. – Предлагаю после обеда оседлать Странника и показать Адаму его во всей красе! Что скажешь, дочка?

– Я могу это сделать, – перебив отца, вмешался в разговор Хинрик.

– Ты наказан, сын! – тоном, не терпящим возражений, ответил Ларус. – Ну так что, Энни?

– Конечно, пап, – радостно улыбнувшись отцу, согласилась та и вновь перевела взгляд на Адама:

– У Странника самый лучший телт¹, вот увидите!

– Думаю, я и так увидел сегодня слишком много, – прозвучал в ответ бархатистый тембр.

– Позвольте не согласиться, – рассмеялась Энн. – Уверена, я смогу вас удивить!

Уголки губ Адама дрогнули в ответной, едва заметной улыбке.

– Уже, – почти беззвучно ответил он...

---

¹ Телт – уникальный аллюр, присущий исключительно исландской породе лошадей.

7. Копия

Адам.

Нет, судьба точно играла с Адамом! Издевалась над ним. Испытывала на прочность.

Сначала холод и сырость, к которым молодой эмир, привыкший с обжигающей жарой и засухе, просто не был готов. Потом этот конь, слишком норовистый и дикий, который по чистой случайности и исключительно благодаря расторопности Ларуса едва не покалечил его. Пусть необычайно красивый, пусть копия Смерча, но Адам никогда не испытывал огромной любви к лошадям. Да и опыта общения с ними у него было не так и много. Привыкать к жеребцу, находить с ним общий язык, разыгрывать из себя заправского коневода не входило в планы мужчины. Купить, вывезти, подарить – это максимум, на который Адам рассчитывал. Но Аллах выбрал для него более извилистый путь.

Адам осознал это, когда ночью поднялся в отведенную для него спальню. Комната размером с кладовую, с жесткой узкой кроватью и удобствами на этаже срывали с готового испариться терпения мужчины последние засовы. Он мысленно проклинал Ангура, за то, что сумел разжечь в его сердце безумное любопытство. Ругал себя, что остался в этом доме, вместо того, чтобы сейчас отдыхать в гостиничном номере. А еще, так и не сомкнув глаз в чужой постели, беспрестанно торопил время.

– Оторву тебе голову, Ангур, – прошипел он ранним утром, стоя у окна. Оставить Саида, Алию и свой народ ради вот этого вот всего казалось ему сейчас великой глупостью.

Стук в дверь и мелодичный голос хозяйки дома, зовущий к столу, отвлек от размышлений.

– Спасибо! – отозвался мужчина и, глубоко вздохнув, отправился вниз.

Адам отдавал себе отчет, что находился в Европе с присущими ей свободами и традициями, и изменять что-либо не пытался. Под видом обычного европейца он молча терпел присутствие за столом детей и жены Ларуса. Он закрывал глаза на ее бесцеремонное и неуважительное, как ему казалось, отношение к гостю. И даже старался с аппетитом съедать все, что попадало в его тарелку.

Однако, когда завтрак закончился, Адам поспешил вернуться в свою комнату, сославшись на внезапную головную боль. Еще одной экскурсии по ферме в компании Ларуса он просто бы не выдержал.

Самая обычная машина такси подъехала к дому Хаканссона ближе к обеду. Адам в это время как раз стоял у окна, перекрестив руки на груди. Он ждал. И если ночь в этом доме ему казалась несказанно долгой, то секунды до встречи тянулись и вовсе бесконечно.

Адам готов был увидеть все, что угодно. Он был уверен, что удивит его дочь Ларуса позже: своими словами, поступками, голосом, в конце концов. Но стоило только ветру выбить золотистую прядь волос из капюшона одной из приехавших девушек, как необъяснимое волнение поглотило его целиком.

Как замороженный смотрел Адам на невысокую хрупкую девчонку в бесформенной толстовке и джинсах и упорно не верил своим глазам: там, внизу, в каких-то метрах тридцати от него стояла Алиа. Его невеста. Его любовь. Его мечта.

– Алиа, – глухо прошептал Адам, забывая обо всем.

– Алиа, – сказал он чуть громче, мотая головой, чтобы сбить морок бессонной ночи. С неистовой силой продолжал он вглядываться в знакомые черты в попытках отыскать отличия.

– Алиа! – грозно прорычал он, так и не найдя таковых.

Казалось, дочь Ларуса услышала его звериный рык и отважилась взглянуть на мужчину.

И вот тут Адам понял, что девчонка на улице – лишь копия Алии! Ее взгляд был совершенно другим: дерзким, уверенным, свободным. Она заметила его, стоявшего у окна, и отвернулась. Но не от смущения или неловкости, как это делала его невеста, случайно, ненароком соприкоснувшись с ним взглядом, а от пренебрежения и абсолютного безразличия.

– Таба! – процедил Адам сквозь плотно сжатые зубы.

В голове совершенно не укладывалось, как такое могло произойти. Кто эта девушка и почему она, как две капли воды, была похожа на дочь Саида?

Дрожь, сковавшая тело, не давала ему пошевелиться. Как обезумевший, он продолжал прожигать девчонку взглядом, совершенно позабыв о нормах морали. Сейчас, в это самое мгновение ему хотелось только одного: узнать правду! А еще – подойти ближе, чтобы, возможно, при детальном рассмотрении найти-таки весомые отличия и убедиться в очередной своей ошибке.

Вот только Энн не спешила идти в дом. Задорно смеясь, она обнимала младшего брата и с любовью смотрела на среднего. Ее лицо светилось радостью, а каждое движение было наполнено искренней нежностью. Они громко что-то обсуждали и все дружно хохотали на весь двор, а Адам впервые пожалел, что не знал исландского...

Когда вся семья двинулась в сторону дома, эмир поспешил вниз. Даже секундное промедление представлялось ему сейчас непозволительной роскошью.

Старался держаться уверенно: семья Хаканссона явно ничего не подозревала, а Адам прежде сам хотел во всем разобраться.

Возле входной двери вновь слышались обрывки непонятных фраз. Предчувствие скорой встречи выворачивало наизнанку.

Еще шаг. Пара ступеней. И глаза Адама столкнулись с песчаным омутом очей девушки.

Копия Алии смотрела на молодого мужчину в упор. Смело. Отважно. Безрассудно. Совершенно не понимая, какое влияние сейчас оказывала на Адама, как своим взглядом переворачивала вверх тормашками его личную вселенную.

Среди толчеи и постоянных разговоров, кучи обуви и горой навешанной одежды, ароматов жаркого и потоков прохладного воздуха с улицы Адам видел только ее. Правда и сам пока не понимал кого именно...

Тот же разрез глаз, аккуратный носик, форма лба и маленькая ямочка на подбородке. Те же губы, нежные и манящие. Те же слегка заостренные скулы. Манера поворачивать голову, чуть отклоняя ее вбок. И улыбка, расцветающая на лице. Даже россыпь веснушек на щеках казалась украшала лицо девушки тем же узором, что и у Алии.

Если бы только не ее взгляд...

"А она умеет смущаться," – ухмыльнулся про себя Адам, заметив, как покрылись румянцем щеки девчонки, стоило Хинрику ей что-то прошептать. Как резко та опустила глаза, становясь еще больше похожей на Алию...

Сквозь пелену волнения и крайнего удивления до слуха Адама доносились чьи-то вопросы, чьи-то ответы, чей-то смех...

Черт! Как же в эти минуты Адам ненавидел пресловутый языковой барьер! Как хотел он, чтобы все вокруг вспомнили о приличиях и в его присутствии перешли на английский.

И его мечта сбылась.

Ларус своими руками передал дочь в цепкие лапы Адама, не понимая, не догадываясь, что с этого момента потеряет ее навсегда...

Адам.

– Адам, а расскажите о Португалии, – сладким голоском прозвучала Хил, когда обед был в самом разгаре.

За большим столом собралась уйма народа: вся семья Ларуса, подросевший с соревнований дочери Кристоф с женой и, конечно, Адам. Для местных жителей, привыкших к монотонным будням и спокойному течению жизни, появление на их землях алмазного короля стало своего рода развлечением. В дом Хаканссона в течение дня то и дело заглядывали соседи, знакомые и даже порой те, о ком Ларус и думать уже забыл. Посмотреть на португальского миллионера с внешностью топ-модели не терпелось всем в округе.

– Что именно вас интересует?– сухо ответил мужчина в надежде, что девушка поймет намек и не станет развивать тему, надоедая ему еще больше.

Адам чувствовал себя неуютно в этом доме, да что там, в этой стране. Несмотря на то, что к свободным нравам европейцев он привык еще будучи студентом Сорбонны, вести себя, как они, он не умел и абсолютно точно не хотел. Притворяться тем, кем он на самом деле никогда не был, удавалось ему с каждой минутой все сложнее и сложнее. Но именно сейчас, мечтая докопаться до истины, он не имел права оступиться.

– Расскажите о вашей конюшне, – подала голос Энн, заставив табун мурашек галопом пробежать по коже Адама.

На мгновение оторвавшись от трапезы, мужчина резко перевел взгляд в сторону девушки, сидевшей прямо напротив. Как же дико и непривычно Адаму было смотреть на нее.

Совершенная копия его невесты позволяла Адаму созерцать то, что уже много лет скрывала от посторонних Алия. Длинные волосы цвета золотистой охры сейчас не прятались под капюшоном толстовки или, как в случае с его невестой, под пресловутым хиджабом, а мягкими волнами струились по плечам девушки, подчеркивая нежные изгибы тонкой шеи. Спортивный топ облегал стройную фигуру, акцентируя внимание на небольшой, аккуратной груди. Накинута поверх топа фланелевая рубашка постоянно пыталась соскользнуть то с одного, то с другого плеча, привлекая внимание Адама к изящным ключицам Энн и ее бархатистой молочной коже.

Описать словами шквал эмоций бушующих внутри молодого человека, было сложно. Он видел перед собой Алию. Он слышал ее голос. Он мог открыто общаться с ней, не опасаясь порицания. Он смело смотрел ей в глаза и даже при желании смог бы дотронуться до девушки... И все же это была не она.

– Конюшне... – повторил Адам, не отводя глаз от Энн.

– Ну да, интересно, как у вас все устроено, – положив кусочек лосося в рот, ответила та, как ни в чем не бывало.

– Энн, оставь нашего гостя в покое, – сердито вмешался в разговор Ларус, приняв затянувшееся молчание Адама за нежелание отвечать.

Девушка подняла ладони в примирительном жесте, что-то проворчала на своем языке и перевела свое внимание на младшего брата. Как назло, мальчишка почти не знал английского языка, и общалась с ним Энн на своем родном.

– Адам, а сколько вам лет? – промурлыкала рядом сидящая Хилдер.

– Двадцать семь, – отрезал Адам.

– А где вы учились? – не унималась никак девчонка.

– В Сорбонне...

– Ого, правда? А на кого? Вы знаете, я где-то читала, что там учился сам ...

Как же мужчину утомляла и раздражала пустая болтовня Хилдер. Пропуская большую часть ее слов мимо ушей, Адам дежурными фразами отмахивался от ее непрекращающихся

вопросов, а сам внимательно осматривал собравшихся за столом. Больше всего его интересовали родители Энн. И если в чертах девчонки еще что-то проскальзывало от отца, то Арна казалась совершенно чужой для нее.

– В кого у Энн рыжие волосы?– перебив Хилдер на полуслове, поинтересовался Адам. К его счастью, та сидела совсем рядом и вопрос удалось задать весьма приглушенно, не привлекая всеобщего внимания.

– Ой, и вы туда же!– обрадовавшись, что гость все же проявил интерес к беседе с ней, Хилдер не сразу сообразила, что волновала его мысли другая.– Это избитая песня, Адам. В роду Ларуса все женщины рыжие и похожие одна на другую. Так что наша Энн – вылитая бабушка.

– А у Ларуса только одна дочь?– наклонив голову в сторону девушки и вложив в вопрос максимум обаяния, спросил Адам.

– Да, – прошептала Хилдер, тая под обворожительным взглядом.– Энни – единственная. Но все говорят, что мы похожи.

Адам промолчал, наградив Хилдер снисходительной улыбкой. Похожи... Теперь-то он твердо понимал, что это значит...

За перешептываниями молодой человек чуть не упустил из вида Энн, которая, извинившись, встала из-за стола и отправилась к себе. Правда, сделав всего пару шагов, остановилась и обернулась. Закусив слегка костяшку указательного пальца, словно только что вспомнила о чем-то, с улыбкой она обратилась к гостю:

– Адам, если вы не передумали, минут через тридцать лошади будут готовы.

Адам кивнул и хотел было ответить, как вновь суровый голос Ларуса его опередил:

– Энн, думаю верным будет для Адама оседлать Гавроша, а ты возьми Странника. И, дочка, далеко не отъезжайте, хорошо?

Девушка кивнула и убежала, а ее отец устремил свое внимание к Адаму:

– Гаврош при всем своем спокойствии в резвости не уступает Страннику. Уверен, вам понравится!

– Не сомневаюсь, – согласился мужчина.

– Вы не подумайте ничего такого, – поспешил оправдаться Ларус. – Просто без должной подготовки седлать Странника опасно. А так вы сможете оценить коня со стороны.

Спустя полчаса по поручению отца Петер проводил гостя к конюшне, где его должна была ожидать Энн. Вот только девушки нигде не было видно.

– Вы подождите здесь, а я сейчас сгоняю за сестрой, – разволновавшись, засуетился мальчишка. – Ее, наверно, Хил отвлекла.

Парнишка убежал, а Адам не преминул воспользоваться ситуацией и набрал Ангура.

– Видел ее, Ясин? – вместо приветствия выпалил друг.

– Видел, Ангур, – согласился Адам, шагая вдоль пустых загонов. – Только никак не могу понять, как такое возможно.

Большинство лошадей в это время находились на улице, отчего внутри конюшни было весьма тихо и спокойно. Адам медленно продвигался вглубь здания, мягко, почти беззвучно ступая по деревянному покрытию.

– И я не могу, – выдохнул на том конце мужчина. – Что делать теперь собираешься?

– Не знаю, брат, не знаю, – задумчиво ответил Адам, остановившись метрах в десяти от денника, где еще вчера Ларус показывал ему коня. Но его внимание привлек не он, а тихий голос, ласково напевавший знакомую с детства мелодию.

– Я перезвоню!

Сбросив вызов, Адам сделал еще несколько шагов по направлению к стойлу и замер.

Хрупкая девчонка стояла, прислонившись лбом к морде Странника и с нежностью поглаживая того, напевала ему детскую песенку.

Бесстрашная, отважная, сумасшедшая и очень глупая! Была бы воля Адама, он и близко бы больше не подошел к этому строптивому жеребцу. Свежи в памяти были его раздувающиеся ноздри и неуправляемые копыта... И уж точно ворковать с конем Адам стал бы в последнюю очередь.

– Что ты делаешь? – грозно спросил он, наблюдая, как от неожиданности девчонка вздрогнула и замолчала. А потом подняла на него искрящийся взгляд, наполненный трепетной нежностью, и улыбнулась.

– Успокаиваю его, – тихо, почти шепотом ответила Энн.

– Нет, ты балуешь животное и даешь ему право полагать, что главный здесь он, а не ты! – выплюнул Адам.

– Так ли важно, кто из нас главнее? – искренне недоумевала девчонка. – Разве может привязанность строиться на таком глупом принципе?

– Привязанность? – переспросил Адам. – Какая к черту привязанность? Это конь! Животное! А ты ему колыбельные поешь!

– Его гораздо проще уговорить сделать что-то, нежели заставить, – взгляд Энн уже пылал от негодования. – И если вы думаете иначе, мне вас жаль!

– Взбалмошная девчонка! – прорычал Адам на арабском, возмущенный дерзким поведением Энн.

– Я передумал, – вновь перейдя на английский, решительно заявил он. – Наш договор больше не имеет значения!

– Вы о прогулке? – никак не умолкала девушка. – Это и к лучшему! Странник скинет вас с себя в первую же минуту! Он терпеть не может самовлюбленных и заносчивых типов!

– Нет, Энн! Я говорил не о прогулке! – зло шурясь, парировал Адам. – Завтра же конь отправится туда, где отныне ему место!

Адам стремительно развернулся и направился к выходу. Еще не хватало ему, алмазному королю и эмиру провинции Ваха, терпеть оскорбления из уст невоспитанной девчонки.

– Погодите, Адам!– донеслось ему в спину. – Простите!

Только гордый Адам Ясин Ибн Аббас Аль-Ваха не привык менять своих решений! Тем более повинуюсь капризам женщин. Уверенной походкой он покинул здание конюшни, а через некоторое время и дом Ларуса Хаканссона.

– Подготовьте коня к отправке, – сухо заявил он хозяину дома перед отъездом. – В среду за ним приедут.

8. Вулкан

Энн.

– Идиотка! Какая же ты идиотка, Энн! Что ты ляпнула этому богачу, чтобы он так резко решил уехать? И ладно бы просто уехать!

Уместив ладони на затылке, Хинрик ходил кругами вокруг растерянной девушки.

– Хинрик, – предупреждающе рявкнул Ларус. – Выбирай слова! Все-таки с сестрой говоришь!

Все, за исключением Оскара, которого забрал Кристоф к себе до вечера, собрались в гостиной. Минут десять назад разгоряченный и злой Адам сел в такси и покинул пределы деревни, толком не объяснив мотивов своего решения.

– А кто она, пап? Кто? Растяпа, пустоголовая курица, эгоистка! – Хинрик резко остановился возле Энн и дернул ее за плечо. – Что сложного было в конной прогулке? Села на лошадь и вперед! Неужели опять свой дерзкий язык не смогла приструнить?

– Хинрик, – грозно крикнул Ларус. – Ты забываешься, сын!

– Да пошло всё к черту! Надоело!

Юноша выбежал в прихожую, схватил дождевик и, громко хлопнув дверью, ушел. Ему нужно было остыть. Энн понимала это, как и то, что сейчас говорить с братом было бесполезно.

– Энни, что произошло? – ласково спросила Арна, пока Ларус, взбешенный поведением сына, смотрел в окно на его удаляющуюся в сторону конюшен фигуру.

– Этот Адам просто чокнутый, мам! Я была со Странником, как обычно пела ему и готовила к выходу, как появился этот... – Энн в холостую открывала рот, пытаясь подобрать подходящее определение для мужчины, но никак не могла. – Взбеленился на меня за пение, начал упрекать, что неправильно обращаюсь с животным, а потом просто ушел.

Отчего-то в уголках ее глаз заблестели слезы. Энни было обидно, что мужчина так грубо и импульсивно повел себя с ней, а еще очень стыдно перед братом... Хотела она того или нет, но Хинрик только что лишился своего единственного друга, и, как ни крути, вина была на плечах Энн.

– Ничего страшного не случилось, Энни, – отозвался Ларус. Его внимание все также было сосредоточено за пределами дома. – Месяцем раньше или месяцем позже – какая разница, когда Странник покинет нас. Да и в лице Адама мы не потеряли друга, поскольку таковым он нам стать не успел.

– Но Хинрик, – попыталась возразить Энн. Ее милое сердечко разрывалось на части, представляя, как больно сейчас было брату.

– Хинрику пора взрослеть, дочка! – оборвал отец. – Завтра утром возвращаешься в город. Ни к чему лишние рыдания и прощания. Поняла?

– Одна? – сдерживая слезы, спросила Энн. – Хилдер обещала родителям задержаться на пару недель. Я думала тоже...

– Значит одна, – рявкнул Ларус и, хлопнув тяжелой ладонью по подоконнику, развернулся к девушке. – Я как чувствовал, что не стоило тебе приезжать. Как чувствовал...

Уже на следующее утро, наспех попрощавшись, Энн благополучно отправили в город.

Так и не успев вдоволь наиграться с Оскаром, нагуляться с Петером и, как следует, попросить прощения у Хинрика, она ехала по серой пустынной дороге навстречу одиночеству. Позади оставался дом, лучшая подруга и Странник, к которому ей так и не хватило смелости зайти перед отъездом.

В горле щипало, сквозь пелену слез дорога казалась размытым пятном. Энн не имела понятия, что делать дальше. В большом городе, в хорошей квартире ей предстояло жить совершенно одной.

Чуть позже, когда поездка осталась позади, Энни сидела возле окна в гостиной и бессмысленно смотрела на изредка проходящих мимо дома прохожих. Мысленно она постоянно спрашивала себя, что именно сделала не так, порывалась понять мотивы отца, сославшего девушку сюда, подбирала слова для Хинрика, чтобы тот, однажды, смог простить ее. Но чем больше она прокручивала в голове события минувшего дня, тем отчетливее осознавала, что ни в чем и ни перед кем не была виновата.

В порыве неосознанного гнева она схватила телефон и, не оставляя себе ни секунды на раздумья, набрала номер Адама, к счастью, сохранившийся в памяти телефона.

Гудок. Второй. Третий. Сейчас она готова была высказать этому сумасбродному красавчику все, что накопилось на душе. Ей не терпелось донести до него всю глупость и опрометчивость его недавнего решения...

Но мужчина либо не слышал звонка, либо откровенно игнорировал девушку.

Отбросив телефон в сторону, чуть не рыча от отчаяния, Энн спрыгнула с подоконника и включила телевизор, устроившись поудобнее на диване.

Бесцельно переключая каналы, она пыталась найти что-то интересное, но необъяснимое волнение никак не позволяло сосредоточиться. Плюнув, Энн остановилась на местном телеканале, где пожилой мужчина монотонно, со скучающим, но важным видом зачитывал новости.

– И в завершение выпуска новостей спешу напомнить о главном событии сегодняшнего дня, – чуть бодрее произнес голос из телевизора, привлекая внимание Энн к экрану. – Вулкан Фаградальсфьядль вновь проснулся. Никакой опасности для нашей с вами повседневной жизни его пробуждение не несет.

Так и не успев заинтересоваться речью ведущего, Энн вновь вернулась к окну, где на подоконнике одиноко лежал ее смартфон. Убедившись, что Адам не пытался перезвонить, она крепко сжала телефон в ладони, ощущая, как начинает закипать с новой силой.

– Вот неотесанный баран! – прошептала сама себе под нос. – Невоспитанный мужлан с характером осла!

И пока Энн от души шипела на Адама, ведущий с экрана телевизора продолжал вещать о важных событиях в стране. Вот только девушка все его слова пропускала мимо ушей. А зря...

– Облако пепла, образовавшееся над вулканом, стало причиной отмены десятков авиа рейсов в аэропорту Кеблавик, – в пустоту говорил ведущий. – Как долго аэропорт не сможет функционировать в полном объеме, пока неизвестно. Мы же настоятельно рекомендуем отложить по возможности поездки и несколько дней не покидать пределы острова.

Сама судьба играла с девушкой в свои жестокие игры. Хотя, если подумать, не только с ней...

***

Адам.

Крепко сжимая телефон в руке, Адам сидел в холле отеля в самом центре Рейкьявика и ожидал Ангура.

Ни одного вылета в ближайшее время, ни единой надежды покинуть проклятый остров, ни малейшего желания прозябать в этом сумрачном городе и никаких шансов вывезти коня с фермы Хаканссона – судьба явно злорадно посмеивалась над планами молодого мужчины. И всему виной чертов вулкан с непроизносимым названием, которому вздумалось проснуться именно сейчас!

Адам смотрел сквозь мимо проходящих людей, отсчитывая минуты и коря себя за слабость. Упрямое любопытство, раззадоренное в его душе голосом Энн и подогретое словами Ангура, привело его на край света. Зачем? Стоило ли оно того?

Дурное предчувствие, что дома, за тысячи миль отсюда, явно что-то происходило, не покидало мыслей мужчины. Слишком уклончиво с ним в последнее время общался Саид по телефону, слишком взволнованным показался голос Абдуллы – старейшего друга отца Адама.

Еще и эта взбалмошная девчонка с глазами любимой и характером дикой кошки имела наглость снова набрать его номер. Глупая! Ни разу Адам не менял своих решений и никому не давал усомниться в своих словах. Неужели она думала, что ей удастся уговорить его?

– Ясин, – раздался за спиной голос друга. – Не выходит. Прости. С этим вулканом все как с ума посходили: никто не берется даже примерно назвать дату.

– Два дня, Ангур! – прошипел Адам, все также глядя в пустоту.

– Сдался тебе этот конь, Ясин? – вздохнул мужчина и сел напротив. – Договор был на сентябрь! Вот пусть и жует травку в округе владений Хаканссона.

– Два дня!

– Да что случилось? Ты, как вернулся, сам не свой. – Ангур облокотился на колени и положил подбородок на сложенные в замок ладони. Его взгляд, пронизательный и тревожный, был нацелен на друга. Таким потерянным и угрюмым он не видел Ясина уже очень давно.

Но Адам молчал. Смотрел монотонно перед собой и все сильнее сжимал телефон.

– Ну, похожа она на Алию, что с того? Мало ли двойников на планете. Не забивай голову, Ясин, – попытался разговорить его Ангур.

– Она пела, – наконец, посмотрев на собеседника, ответил Адам.

– И что? – не понимал Ангур.

– Она коню пела, – задумчиво произнес эмир.

– Слушай, Адам, это же полная ерунда... – поначалу улыбнувшись, оживился Ангур, но вдруг резко замолчал на полуслове, потеряв даже намек на улыбку. – Ты по этой причине так скоро вернулся?

Адам кивнул в ответ.

Оба мужчины помнили, как уходил из жизни Смерч – любимый жеребец Саида. Как в моменты дикой боли тот не допускал к себе никого, а точнее, почти никого... Усмирить его могла лишь Алия: она стояла с ним рядом, касаясь измученной морды животного, и тихо пела.

– Ладно, – согласился Ангур. – Твое состояние я понять могу, но зачем жеребца увозить так срочно?

– Мое слово – закон! – сухо ответил Адам. – Дерзкая девчонка посмела со мной спорить – я решил ее проучить. Все просто!

– Да, только наказал сам себя, – усмехнулся мужчина в ответ. – Ладно, раз не можем пока вывезти жеребца за пределы страны, то найдем ему на время другую конюшню здесь.

Еще немного поговорив, мужчины отправились на обед, а после разошлись каждый в свой номер.

С того момента, как смартфон Адама ожил от звонка Энн, прошло уже немало времени, но молодого человека не переставали беспокоить предположения, что именно девчонка собиралась ему сказать.

– Неважно! – прорычал Адам в пустоту и бросил телефон на журнальный столик. – Уже неважно!

Прикрыв ладонями глаза, он попытался отвлечься, но память упорно возвращала его к Энн: ее голосу, ее взгляду, ее манере закусывать палец от волнения.

Раздумья об этой девчонке были для Адама сродни проклятию: тяжелыми, раздирающими, целиком и полностью поглощающими его мысли. Причем, если в доме Ларуса Адам смотрел на Энн только как на копию дочери Саида, то сейчас возникающие в голове образы девчонки начинали существовать самостоятельно, независимо от Алии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.